

The image features a woman in a vibrant red hooded cloak standing on a wide, stone-paved terrace. She is positioned in the center, looking towards the camera. Behind her is a large, traditional Chinese-style building with a dark, multi-tiered roof. The scene is set against a warm, golden sunset sky. The entire image is framed by decorative, dark red leafy branches that appear to be floating or growing around the central scene.

ТИФЕН СИОВЕЛЬ

БРИСЕЙДА

ТЕНИ
И ХИМЕРЫ

Annotation

Из нового путешествия некоторые могут не вернуться. Цитадель управляла миром во все века, и еще никому не удавалось нарушить ее планы. У избранных уже нет пути назад, и теперь они отправляются в другую эпоху – Древний Китай, чтобы раскрыть Великую Тайну и защитить императора, против которого готовится заговор. Все, что считалось светом, обратится во тьму. Химеры, фантастические существа, из Мира Снов проникнут в реальность. Кого-то ждут подсказки на Площади Времени, а кто-то встретится со своим прошлым лицом к лицу. Каждый их шаг должен быть просчитан до мелочей, ведь Цитадель уже плетет новую паутину лжи.

Тифен Сиовель

Брисеида. Тени и химеры

Часть 1. Переход

Tiphaine Siovel

Book 2: Briséis: Vol. 2, Ombres et chimères, Part 1

First published in the French language under the title

© by Tiphaine Siovel, 2019

© Воробьёва К., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Люсьен пальцем отвел в сторону каштановые кудри своей маленькой дочки и поцеловал ее в лоб.

– Тебе нужно поспать, – пробормотал он, разглядывая ее недовольное лицо.

– Но я не могу спать, – запротестовала Брисеида, – еще даже не стемнело!

Мужчина вздохнул и обнял ее за плечи. Лучи заходящего солнца пробивались через окно и освещали все еще пухлое лицо Брисеиды, ее светлую кожу, мелкие веснушки, прекрасные маленькие глаза цвета лесного ореха. Он никогда не был в силах устоять перед ней.

– Я мог бы рассказать тебе историю, – поделился он, – но Анни будет не очень довольна...

– Маме необязательно все знать, – ответила Брисеида, лукаво взглянув на отца.

На колючих щеках Люсьена появились ямочки. Он прищурил свои пронзительные голубые глаза и прошептал:

– Что, если я расскажу тебе совсем новую историю?

Брисеида сомневалась. Когда ее папа собирался разразиться эпической тирадой о невероятных приключениях героя с непроизносимым именем, его взгляд становился таким же загадочным.

– Ладно, пусть будет отличная новая история.

– Если ты обещаешь никому не рассказывать. Что бы ни случилось.

– Что бы ни случилось, – поклялась Брисеида.

Она торжественно протянула ему руку. Папа пожал ее с серьезностью священнослужителя. Это будет их секрет.

– Давным-давно стоял замок, – начал Люсьен, – такой большой, что не было видно его границ. Башни необычной формы взмывали в небо и заполняли весь горизонт. В этом замке жили маленькие эльфы, одетые в синие одежды. Все они были пленниками большого Злодея, которого никогда не видели.

– Почему они никогда не видели его? – спросила Брисеида, прижимаясь к отцу.

– Потому что он не хотел, чтобы его обнаружили. Пообещав эльфам чудеса, он заманил их со всего мира в свой замок. Однако он мог держать их в плену, скрывая свою личность и сохраняя Великую Тайну.

– Какую Великую Тайну?

– Тайна настолько хорошо охраняемая, что даже твой ученый отец так и не разгадал ее...

Брисеида ловила каждое его слово, надеясь, что отец передумает и выдаст ключ к тайне, но Люсьен мастерски держал ее в напряжении. Он продолжал говорить, как ни в чем не бывало:

– Большой и хитрый Злодей дал эльфам один шанс вернуться домой: если они справятся со всеми испытаниями, которые он устроил им, и минуют стены замка ровно через девять месяцев. Ни раньше, ни позже. Тогда Злодей отпустит их домой. Только замок находился в Мире Снов, где времени не существовало. Часы никогда не говорили правду, а солнце творило все, что ему заблагорассудится. Поэтому эльфы должны были быть очень осторожны, чтобы не ошибиться в своих расчетах, потому что рисковали оказаться запертыми в замке до конца своих дней.

Брисеида пристально посмотрела на папу.

– Твоя история не логична. Если времени не существует, его нельзя рассчитать.

Люсьен, казалось, пришел в восторг от ее замечания. Он ущипнул дочку за нос, как фокусник, просунув большой палец между пальцами, чтобы показать ей, что украл его.

– Что угодно может существовать, если поверить. И мы все же не перестаем верить, что время существует. И если его нет, то мы способны заставить его существовать. Но такое время субъективно, оно имеет значение только в сознании того, кто его измеряет. Понимаешь?

– Нет, – вздохнула Брисеида, разочаровавшись. – Никогда не понимаю твои истории.

– Все очень просто, – невозмутимо продолжал Люсьен. – Разум видящего сны фиксирует воспоминания, которые накапливаются и воспроизводят вымышленное время. Поэтому, чтобы сбежать из замка, эльфам в синих костюмах пришлось собрать ровно девять месяцев воспоминаний, пока они спали. Понимаешь, о чем я?

– Если ты скажешь «да», Брисеида, он в конце концов оставит тебя в покое, – раздался мягкий голос со стороны дверного проема.

Ее мама подошла и села на край кровати, положив руку на свой выпирающий живот.

– Если у тебя хватает наглости нарушать указания, – поддразнила она мужа, – по крайней мере расскажи ей несколько историй, когда она подрастет! Как будут смотреть на нее в школе, если она сообщит своим друзьям, что ее младший брат – синий эльф из воображаемого замка?

– Не нужно мне ничего объяснять, – ответила Брисеида, – мне семь лет, я прекрасно знаю, откуда берутся дети.

Люсьен прошептал ей на ухо:

– Я хотел рассказать тебе совсем не эту историю. Я говорил об огромном замке, спрятанном в Мире Снов, который...

– Какую бы историю ты ни пытался рассказать, время уже позднее, – вклинилась Анни, поднимаясь с кровати. – Даю вам пять минут.

Люсьен подождал, пока его жена закроет дверь, прежде чем снова заговорить. Он наклонился к Брисеиде со скорбным видом и низким голосом произнес:

– Я бы хотел, чтобы эти пять минут длились вечно.

– Мне надоели твои бессмысленные истории, – заворчала Брисеида, кутаясь в одеяло.

– Это будет тяжелое время для твоей матери, знаешь. Рожать нелегко. Можешь ли ты пообещать мне, что присмотришь за ней? Возможно, мне придется уйти на некоторое время. В Мир Снов.

– Думаю, я окажусь там раньше тебя, – проворчала Брисеида, закрывая глаза.

– Похоже, что песочник уже пришел, – пробормотал Люсьен, целуя ее.

Если бы она не засыпала, Брисеиде могло бы показаться странным, что по щеке ее отца течет слеза. Голос Люсьена провожал ее во сне.

– Я буду скучать по тебе. Сладких снов.

Затем последовал другой голос, приглушенный и гнусавый:

– Пора, Люсьен. Нужно уходить.

– Я знаю.

1. Среди облаков

От чужого голоса по ее телу пробежала волна дрожи, тряхнуло, как от удара током. Она резко проснулась. На лбу выступили бисеринки пота. Этот особый тембр, этот высокий, почти металлический звук. Брисеида могла бы узнать этот голос среди тысячи: голос херувима.

Голос доносился не из сна, а из воспоминаний. Самое важное событие ее детства – последний разговор с отцом перед тем, как тот потерял рассудок, – только что всплыло на поверхность, кристально чистое, всколыхнув все вокруг.

Херувим был там.

В ее небольшом пригородном доме на улице Белвью. Он парил где-то между кроватью из светлого дерева и плакатами с изображением Короля джунглей.

Брисеида раскинула руки, глубоко вдыхая, чтобы освободиться от тяжести, давящей на грудь.

– Эй! Что с тобой? – над ее головой раздался голос молодого человека.

Хуже того, подумала она, в воспоминаниях папа знал о присутствии херувима. Он *разговаривал* с химерой, как разговаривал бы с любым реальным человеком... Как такое возможно? Брисеида посмеялась над собственной доверчивостью, вспомнив Аликс, свою подругу-панка, которая обвинила ее в том, что та витает в облаках. Херувимов не существует...

Но гнусавый голосок все еще звучал в ее голове.

Девушка резко села, чтобы вдохнуть свежего воздуха.

– Брисеида! С тобой что-то не так! Ты что, хочешь убить нас? – выкрикнул побледневший молодой человек, схватив ее за запястья, чтобы удержать на месте.

Нахмутив густые брови, он смотрел на нее своими большими зелеными глазами. Его хватка была крепкой, но чувствовалось, как под рубашкой тело дрожало. Позади него другие путники в белых туниках, прижавшись друг к другу, наблюдали за ними.

Только тогда Брисеида заметила облака, такие большие и белые, проплывающие вокруг них. Ее взгляд устремился в пустоту под ногами, и девушка рассмеялась.

– Я... Я забыла, где мы находимся! В облаках! Я в облаках!

Леонель обеспокоенно посмотрел на нее.

– Думаешь, самое время спать? Да еще и на моих коленях!

– А ты мог просто не дать мне улечься на тебя.

Леонель только собрался ответить, но Брисеида окинула взглядом невидимую тропу, на которой они сидели, находясь на высоте нескольких тысяч метров над уровнем моря, и внезапно почувствовала головокружение, которое вызвало у нее приступ неконтролируемого смеха.

– Не понимаю, что тут смешного, – произнес Леонель.

И все же... Она размышляла о существовании херувимов, шагая по небу сквозь время в сопровождении шести представителей разных эпох. Какая нелепость. Оставалось только посмеяться.

Перед ее глазами замелькали образы, когда остатки сна растворились и девушка пришла в себя. Создания, которые не должны были существовать или существовали только во сне. Гарпии, крылатые дьяволы, изрыгающие ненависть, сжимающие добычу своими орлиными

когтями. Гигантский черный дракон с золотым гребнем, из ноздрей которого вырывалось пламя, прижимался к стенам бесконечного коридора и раздирал ковер своими огромными когтями, чтобы добраться до Брисеиды. Темные всадники на разъяренных конях набрасывались на нее. Химеры, множество химер, невероятные смеси людей и животных, высыпались из картин, висевших на стенах, а затем преследовали ее... Крокодил с открытой пастью из самой огромной библиотеки... И маленький мальчик со светлым пухлым лицом, но темным взглядом, с короткими белыми крыльями, расправленными на спине. Полуголый, он направил на нее свой перевязанный лук, его взгляд был полон ненависти и ужаса.

Все это тоже были воспоминания... или нет? Может быть, Брисеида и ее друзья и находились на небесах, но Леонель все еще верил, что она стала жертвой иллюзии Цитадели.

Цитадель...

Брисеида закрыла глаза, чтобы прогнать прочь ту боль, которую она прочла в глазах херувима. Вырвавшись из тисков служителей крепости в Греции лишь несколько часов назад, она все еще пыталась осознать произошедшее. Поднимаясь по ступеням невидимой лестницы, она пыталась разобраться в том, что же все-таки случилось. Одно теперь казалось несомненным: Агис, царь спартанцев и Альфа-Элита, также боялся, что Цитадель обвинит его в серьезном преступлении. И элита, и химера действительно боялись этой крепости.

Леонель ошибся. Брисеида не пала жертвой иллюзии. Два херувима не пытались обмануть ее, они сделали все, чтобы защитить свои шкуры от гнева Цитадели: рискуя привлечь внимание последней, один из них фактически перенес Брисеиду в крепость. Он хотел, чтобы девушка помогла ему найти копию письма, которое написал ее отец. Херувимы хотели уничтожить письмо, думая, что оно является достаточным доказательством их предательства.

В письме все объяснялось: как херувимы по ошибке определили Брисеиду в ученицы Цитадели, как Люсьен, которому херувимы поручили предотвратить ее переход в крепость, приложил все усилия, чтобы отправить дочь туда. Потому что, став ученицей Цитадели, Брисеида получила шанс понять источник своей силы и помешать крепости продолжать тайно править миром.

В итоге остался только один экземпляр письма, который не нанесет вреда херувимам, поскольку был написан внутри Цитадели, в Мире Снов. Цитадель принимала только документы из реального мира в качестве весомого доказательства совершения преступления. Письмо отца было не менее ценным для Брисеиды. Но, естественно, будучи растяпой, она в спешке потеряла его. Порыв ветра вырвал письмо из ее рук прямо над обрывом, откуда начиналась невидимая лестница. Брисеида отдала бы все, чтобы иметь возможность перечитать эти строки, унесенные ветром.

– Мой отец узнал о Цитадели и херувимах еще до того, как его заперли в крепости, – сказала она своим друзьям. – Я просто вспомнила, когда он в последний раз разговаривал со мной, перед тем как превратился в овощ. Я уже почти уснула, поэтому не придавала этому значения, но, наверное, именно потому и услышала его, поскольку была уже близко к Миру Снов... Там был херувим, и мой отец разговаривал с ним.

– А может быть, ты уже уснула, – сказал Леонель.

– Я все очень хорошо помню, это был не сон, – сухо ответила Брисеида. – Энндал, поверь мне: в тот день отец рассказал мне о Цитадели. Мне было всего семь лет, и, конечно, я ничего не понимала. Но он рассказал о большом замке в Мире Снов, где живут эльфы, одетые в синее, как ученики Цитадели. Он рассказал мне, что никто не знает личности

Злодея, который правит замком, и что он сможет держать его обитателей в плену, только если скроет свою личность и Великую Тайну! Мой отец в то время уже знал столько же, сколько и сопротивление! Он знал, что Великая Тайна Цитадели включает в себя личность того, кто ею управляет. Он знал, что эта тайна позволяет крепости оставаться в тени, манипулировать миром без чьего-либо ведома. И я уверена, что он знал по крайней мере все то, что мы узнали в последнее время: что Цитадель готовит Элиту. Те, кто не прошел обучение, остаются запертыми в крепости, а остальные отправляются назад, каждый в свое время, чтобы служить Цитадели и осуществлять ее планы. Я не знаю, догадывался ли он о существовании сопротивления, знал ли, что оно стремится разрушить Цитадель, чтобы понять ее Великую Тайну и заставить открыться миру... Но он знал о существовании химер, раз общался с херувимом! Отцу должно было быть известно, что Цитадели подвластны разные химеры, с помощью которых она управляет людьми и держит их в страхе!

Леонель закатил глаза и посмотрел в светлые глаза Эннала в поисках поддержки. Брисеида едва сдержалась, чтобы не ударить его локтем по ребрам.

– В таких условиях невозможно отдохнуть, лучше идти дальше, – решил Эннал. – В пути ты могла бы рассказать нам немного больше о своем отце, Брисеида.

Рыцарь откинул со лба прядь каштановых волос, медленно выпрямился и начал мерно двигаться вперед, несмотря на то что ему мешал большой меч, пристегнутый к спине. Даже оказавшись в неудобном положении, Эннал не утратил своей природной харизмы. Его широкие плечи, большие руки и надменная осанка напоминали о знатном происхождении. Брисеида всегда чувствовала себя комфортно в его присутствии. Она как будто узнала в нем того надежного отца, которого ей так не хватало в подростковом возрасте.

Он протянул руку Лиз, чтобы помочь подняться. Высокая рыжеволосая девушка натянуто улыбнулась ему, на ее лице появились симпатичные ямочки.

– Делаю все, что в моих силах, – вздохнула она, внутренне собравшись с мужеством.

Во главе строя стояла актриса из четвертого тысячелетия, которой было поручено опрыскивать духами невидимый путь, ведущий сквозь время. Флакон ей передала подруга старика, возглавлявшего сопротивление. Пар показывал расположение зигзагообразной тропинки или ступенек, обозначающих эфемерный маршрут, по которому путники быстро шли, пока он не исчез.

Позади Лиз и Эннала шел Менг Чу, их уважаемый китайский генерал. Он схватил рыцаря за руку, прежде чем встать, а затем помог Оанко, американскому равнинному индейцу, подняться на ноги. Они решили больше не отпускать друг друга, чтобы не рискнуть соскользнуть с невидимой лестницы. Оанко протянул руку Леонелю, который подал свою Брисеиде. Она помогла Энею, последнему в очереди, подняться на ноги.

– Мы слушаем тебя, Брисеида, – сказал Эннал, когда они продолжили путь.

– Я плохо знала своего отца. До семи лет для меня он был умнейшим физиком, который проводил свое время за экспериментами, которые с каждым разом становились все более эксцентричными. В одночасье он потерял рассудок и стал овощем, подобно мужчинам, лежащим в храме Афродиты. Трагедия произошла незадолго до рождения моего младшего брата. Папа лежал несколько лет в больнице, а затем переехал домой, потому что моя мама думала, что сможет вернуть его к жизни. Одиннадцать лет я смотрела в его пустой взгляд, такой же взгляд был и у мужчин, которых жрецы кормили в Спарте. Объяснение этому только одно – мой отец все это время был узником Цитадели. Но, вероятно, он попал туда не сразу, как я или другие студенты, потому что в тот день в моей комнате он, похоже, уже

много знал о ней. Возможно, папа то и дело возвращался к своим экспериментам, а потом Цитадель, наверное, похитила его... И вдруг, сразу после того как на моей шее появилось загадочное пятно, папа проснулся и сказал, что может меня вылечить. Пятно, конечно же, было следом от стрелы херувима. Стрела, которая не предназначалась мне, и которая пометила меня как ученика. Херувимы позволили папе покинуть крепость, чтобы исправить свою оплошность, так как они по ошибке выбрали меня. Но отец не последовал их указанию: он все равно отправил меня в Цитадель, чтобы дать шанс узнать ее тайны. Он поместил меня в одно из своих изобретений – машину, обвитую проводами, и я очнулась в Цитадели. Вот о чем говорится в письме. Не могу поверить, что дала ему выскользнуть из рук.

– Если бы ты не упустила письмо, мы бы до сих пор находились в Греции и искали лестницу, – сказала Лиз. – Не будь так строга к себе.

Брисеида вяло кивнула. Лиз говорила правду: письмо ее отца, уносясь с порывом ветра, резко замерло в пустоте за обрывом, обнаружив наконец лестницу, которую они так старались найти.

– Как это письмо оказалось у Лира, в совершенно чужой эпохе? – спросил Леонель.

– Понятия не имею. Но мой папа написал его вне времени, так как находился в Цитадели. Так что письмо легко могло попасть в эпоху Античности.

– Может быть, твой отец знал, что тебе предстоит пройти этот путь, – предположил Энндал.

– Может быть... Но в своем письме он подразумевал не это. Скорее, он надеялся, что я закончу свое обучение в Цитадели...

– Думаешь, твой отец знал старика из пустыни? – спросил Оанко.

– Я не знаю, приходилось ли моему отцу слышать о нем, но когда я пришла в хижину, старик сказал мне, что не знает папу. Не думаю, что мой отец покидал Цитадель во время своего заточения в Мире Снов.

– Значит, не старик побудил его отправить тебя в Цитадель, – сказал Менг Чу. – Как думаешь, что ему было нужно? Неужели он действительно думал, что у тебя будет шанс раскрыть тайну Цитадели, в чем он сам не преуспел за одиннадцать лет?

– Одиннадцать лет прошло для Брисеиды, – заметил Леонель, – но, возможно, не для ее отца, который находился в Цитадели. Поскольку в Мире Снов нет времени.

– Так и есть, – размышляла Брисеида, – но человеческая душа не может удержаться от воссоздания воображаемого времени. За секунду мы накапливаем девять месяцев воспоминаний, а затем душа отделяется от тела. Тело остается вегетативным, пока не умрет от старости, а душа... Душа должна продолжать накапливать воспоминания, даже если время не существует... Пока тело не умрет.

– Персональное накопление воспоминаний... – задумчиво продолжал Леонель. – Только твой отец может сказать нам, сколько времени, по его мнению, он провел в Цитадели. Так, Брисеида? Неужели он действительно думал, что у тебя будет шанс раскрыть тайну Цитадели?

– Не знаю, может, у него не было выбора.

Лиз остановилась. Остальные последовали ее примеру, но никто ничего не сказал.

– А ты, Эней, что скажешь? – спросила наконец Лиз. – Ты молчишь уже несколько часов.

– Возможно, твой отец получил послание от богов, – сказал Эней.

Брисеида осторожно, чтобы не потерять равновесия, повернулась к молодому спартанцу.

Его лицо было таким же напряженным, как и голос. Он кивнул головой в знак слабого одобрения.

– Жертвовать, чего требуют от нас боги, иногда бывает трудно, но только они знают, что нужно делать.

Воспоминания о смерти Касена, лучшего друга Энея, обрушились на Брисеиду, когда она увидела покрасневшие глаза молодого спартанца. Девушка сжала челюсти. Эней старался держаться мужественно, но жертва, которую он считал обязанным принести своим богам за успех их похода, тяготила его сердце.

– Мы не уделили времени, чтобы должным образом почтить память твоего товарища по оружию, Эней, – серьезно сказал Менг Чу. – Он умер, чтобы защитить нас от Элиты, он заслуживает уважения.

– Идем дальше, – объявил Оанко, – я спою для него.

Они снова начали идти, и Оанко затянул прекрасную жалобную песню.

Его длинные, гладкие черные волосы развевались на ветру, а мощный баритон плыл сквозь бегущие по небу облака. Брисеида была поглощена пронзительными эмоциями песни, которая превратила боль утраты в возвышенную оду жизни. Она забыла о своих ноющих лодыжках, икрах и бедрах, дрожащих от усталости после долгого подъема.

Они шли уже целую вечность. Часы тянулись, не поддаваясь счету, и путники потеряли всякое представление о времени. Солнце им не помогало: оно двигалось по небу почти безучастно, освещая замки тумана то сумеречно-розовым, то оранжевым оттенком заката. Долгое время они шли, ничего не говоря, сосредоточившись на пустоте и своем неопределенном будущем. Пристально глядя на свои ноги, Брисеида наблюдала, как ее сандалии периодически меняли цвета, а ее продвижение вперед сопровождалось такими ужасающими скрипами в тишине неба, что они окончательно зародили в ее душе сомнения. Они действительно куда-то идут? Есть ли какой-то смысл во всем происходящем?

Свет меланхоличной, но полной надежды песни Оанко оживил их веру. Они очень нуждались в ней, и у них не было другого выбора, кроме как идти дальше, надеясь, что невидимая тропа приведет хоть куда-нибудь.

– Это было прекрасно, спасибо, – сказал Эней, когда ветер унес последние ноты. – Теперь моя очередь спеть что-нибудь. Пять лет назад я провел свою первую большую военную кампанию с Касеном. Нам едва исполнилось по двадцать лет. Мы отправлялись на передовую афинской армии. Никто и никогда не видел столько спартанцев, марширующих строевым шагом, и мы попали в бурю, такую, что вся кожа скрипела от песка. Мы с Касеном придумали небольшую песенку по этому поводу.

В мелодии, которую он пел во всю мощь своих легких, не было ничего грустного. Она была близка к чарующим напевам, которые они слышали в военном лагере в Древней Греции, и могла бы быть прекрасной, если бы Энею медведь на ухо не наступил.

В знак уважения к его умершему другу они слушали молча.

– Очень красиво, – неуверенно сказала Лиз, когда он допел.

– Да, очень трогательно, – негромко добавил Энндал.

Леонель резко затормозил и повернулся к Энею, и все вынужденно остановились.

– Честное слово, Эней, ты поешь отвратительно. – Брисеида напряглась, но Эней улыбнулся, а затем рассмеялся.

– Откровенно говоря, мне все равно. Я на несколько веков старше вас всех, и как предок заявляю, что имею право петь все, что мне нравится! Вот одна из песен, которую придумал

командир моей группы.

И он запел вторую балладу во всю мощь своих легких, совершенно безумную и необычную.

– Он не только не умеет сражаться, но и петь, – пробормотал Менг Чу.

– И все же в тишине идти было не так уж и плохо! – заметил Леонель.

Тут Эней заголосил громче. Леонель запел военный марш, который он выучил в прошлом году, когда находился в окопах Первой мировой войны.

– Эй, а не пора ли уже замолчать? – крикнула Лиз, идущая впереди.

– Вы, белые, один краше другого, – проворчал Оанко, а затем запел новую песню, на этот раз гораздо более агрессивную и пронзительную.

– Оанко! – воскликнула Лиз.

– Вас невозможно слушать, поэтому я импровизирую!

– Ему не хватает воспитания, – пробурчал Менг Чу.

И он добавил к неловкому трио залиvistый гимн китайской выдержанности. Улыбаясь, Энндал добавил свою средневековую песнь, и, поскольку никто не хотел уступать, возникла полная какофония. Оставалось только одно решение – присоединиться к небесному концерту: Брисеида в свою очередь запела «*Frère Jacques, sonnez les matines*», как будто эта мелодия должна была открыть дверь в рай.

– Думаете, мне слабо? – сказала Лиз. – Думаете, что сможете стать звездой, которой являюсь я в тридцать пятом веке, не умея пользоваться своим голосом? Подождите... **ВОН ТАМ!** Что это?

Лиз указала на кучевое облако, беспечно плывущее на восток. Из тумана появилась тень. Облако рассеялось, и перед ними предстала группа путников, стоящих в одну шеренгу и одетых в белые туники. Они стояли неподвижно, держась за руки и глядя настороженно.

– Эй! Сюда! – закричал Энндал, не решаясь отпустить руку Лиз, чтобы взмахнуть им. – Доброго дня вам!

Наконец-то люди! Старый мудрец из пустыни уверял их, что в Мире Снов блуждают и другие группы, похожие на их, но друзья никогда не встречали ни одной.

– Думаете, они понимают нас? – спросил Оанко.

– Почему бы нет? – размышляла Брисеида вслух.

Хотя они были из разных миров, все в их группе понимали друг друга, хотя это до сих пор остается необъяснимым. Почему в отношении других участников сопротивления должно быть по-другому?

– Чего они там делают? – спросил Леонель.

– Эй! – закричала Лиз. – Мы здесь! **МЫ ЗДЕСЬ!**

Наконец незнакомцы очнулись от оцепенения и снова отправились в путь. Их маршрут пролегал перпендикулярно траектории группы Брисеида, только на три метра выше. Вскоре одиночная колонна уже рассекала воздух над их головами.

– Боже, как вы кричите! – сказал высокий чернокожий мужчина с гладким черепом. – Нам было интересно, что за крики доносятся с другой стороны кучевых облаков.

– В Китайской опере не принято кричать, – ответил Менг Чу, – нужно петь мелодично.

– Мы пытаемся хоть как-то расслабиться, – сказал Энндал. – Вы представить себе не можете, как мы рады вас видеть! Так вы тоже путешествуете между эпохами?

– Естественно.

– Вас тоже направил сюда старец из пустыни? – добавил Леонель.

– Кто еще, как не он? Мы бы пожали вам руки, – ответил высокий чернокожий мужчина, – но, думаю, лучше обойдемся без этого.

– Мы не обидимся, – заверила Лиз. – Так откуда вы?

Новоприбывшие уже побывали в трех временных пространствах: на африканских равнинах за три тысячи лет до нашей эры, в Мексике в десятом веке и в Австралии в восемнадцатом веке. Они были довольны своими открытиями.

Каждый из них нес на спине что-то вроде сачка для бабочек, прикрепленного к рюкзаку.

– Они нужны, чтобы ловить идеи, – заверила их молодая женщина, заметив любопытные взгляды.

Розовые косички придавали ей детский вид, поэтому к ней было тяжело серьезно относиться.

– Идеи?

– Те, которые парят в воздухе. Вы можете путешествовать, работать, шпионить, делать все, что угодно, но без идей далеко не продвинетесь.

Они непонимающе смотрели на нее.

– Вы когда-нибудь задумывались, откуда берутся ваши идеи? – поинтересовался высокий чернокожий мужчина.

– Я всегда считала, что они появляются у меня в голове, – призналась Лиз. Темноволосый мужчина, подстриженный «под горшок», в ужасе покачал головой.

– Идеи создаются из цветов сновидений, которые могут собирать только феи. Вы сажаете свои цветы в Мире Снов, но ваши вестники, феи, заботятся о распространении пыльцы в реальном мире, чтобы вы могли ею воспользоваться. Легенда гласит, что первая фея, собравшая урожай идей, была безумно влюблена в мужчину. Для того чтобы у него появилось время для возлюбленной, он должен был научиться смотреть на свою жизнь по-другому. Поэтому фея подарила ему первую идею человечества – понятие времени. Благодаря этому мужчина смог заглянуть в будущее, представить себе возделывание земли и изобрести инструменты, которые освободили бы ему время. Таким образом, они жили счастливо на протяжении всей жизни человека. Когда человек умер, маленькая фея была так опечалена, что решила распространить идеи по всему миру в память о нем. Другие феи сочли эту игру забавной и стали подражать ей. И теперь тысячи маленьких фей разбрасывают идеи по всему миру. Но в реальном мире идеи очень изменчивы. Но для начала их нужно поймать. А потом использовать. И ловец идей подходит как ничто другое.

– Они уже помогли вам? – спросил Энндал.

– Благодаря ловцам мы узнали много нового, – сказала молодая женщина, задрав свой маленький остренький носик. – Цитадель принимает своих студентов на девять месяцев. Они проживают в группах согласно своей национальности и вместе с остальными находятся в общих помещениях. Некоторые присоединяются к Элите, но многие не завершают обучение.

– Не нужно было пересекать Атлантику с сачками, чтобы узнать это, – сказала Брисеида, – я поняла это в первый же день занятий!

Африканец выглядел обиженным. Солнце, находившееся на западе, освещало его темные зрачки и лоснящийся лоб мягким золотистым светом. Мужчина поднял бровь.

– Что вы узнали?

Менг Чу открыл рот, чтобы рассказать, но замер, не зная, что сказать. Брисеида хотела бы ответить, но самоуверенность незнакомцев лишила ее дара речи. Как она могла

объяснить, что их тела остались где-то на родине, а души бродят между эпохами в Мире Снов? Что происходящее, по сути, им только снится? Как она могла подобрать нужные слова, чтобы рассказать об этом, когда сама в глубине души не могла поверить? Каждое мгновение доказывало ей обратное: свежий воздух, ласкающий лицо, шевелящиеся волосы на руках, когда они переходят через облачную гору, ноющая боль в ногах и прыжок сердца, когда девушка видит невероятную панораму неба... Никогда еще ее сон не был настолько подробным. И никогда еще реальность повседневной жизни не заставляла чувствовать себя такой удивительно живой.

– Наше путешествие подтвердило, что время – это не прямая линия, – сказал Оанко. – Но я уже давно знаю, что время движется по кругу.

Лиз кашлянула. Нельзя в четвертом тысячелетии жить со столь первобытным мышлением.

– Прямая линия – это действительно смешно, – сказал индеец, его длинные прямые черные волосы касались высоких скул.

– Я думал, мы остановились на карте, – вмешался Менг Чу. – Мир Снов и Цитадель находятся в центре, а эпохи разбросаны вокруг.

Брисеида обменялась недоуменным взглядом с остальными. Они уже обсуждали этот вопрос, но так и не смогли прийти к единому мнению. До сих пор она поддерживала точку зрения Лиз и ее прямую линию, но теперь ни в чем не была уверена. Незнакомцы, казалось, не впечатлились.

– Возможно, вам также следует раздобыть несколько ловцов идей? – снисходительно сказала азиатская женщина. – Вы можете найти их на Площади Времени.

– Площадь Времени?

– Мы практически дошли, это место не так уже и далеко.

– Каким путем вы идете? – спросил Энндал.

Они никогда не смогут пройти по чужой тропе. Даже на земле им было бы трудно преодолеть три метра, отделявших их от невидимого пути, расположенному перпендикулярно их собственному. Лиз энергично потянула Энндала за руку. О таком подъеме не могло быть и речи.

– Не волнуйтесь, – рассмеялся смуглый мужчина, – Площадь Времени встречается на каждом пути. В конце концов вы найдете ее.

Они обнаружили Площадь в центре собора, похожего на кучевые облака. Сначала из-за облаков послышался гул, затем концерт хриплых голосов, ревущих на все лады, сопровождаемый лязгом, грохотом, скрежетом, глухими и пронзительными звуками. Пелена тумана исчезла, и вдруг перед их глазами, посреди пустоты, материализовалась деревня, домики в которой излучали солнечный свет. Путники приблизились, пораженные таким очарованием.

Десятки хижин с покатыми крышами, иногда высотой в несколько этажей, теснились вокруг невидимой площади, что придавало уверенности толпе путников в белых одеждах, которые, как и они, спустились на землю с небес. Все они свободно передвигались. В центре

площади стоял большой обелиск, на котором были высечены часы без стрелок. Маленькие воробьи чирикали на черепице крыши, дополняя суету рынка.

– А я думал, что уже все видел... – пробормотал Менг Чу, прокладывая себе путь через толпу.

– Просто невероятно, – сказал Леонель, – это...

– Три ловца идей по цене двух! – кричал торговец с открытой стороны своего каравана, размахивая сачками для ловли бабочек у них под носом. – Ясные, упорядоченные, актуальные идеи! – добавил он, подергивая усами. – Эффективность гарантирована, вы больше никогда не иссякнете!

Как и полагается, его сачки для бабочек соседствовали с лупами, компасами и лейками, а его сосед выставил в беспорядке хрустальные шары, наперстки и зубные щетки.

– Подсказки, находки, знания под рукой! – скандировал он, торжественно держа в руках воронки.

– Посмотрите на эти красивые шляпки! Кому нужна красивая шляпа? Очень практично, очень привлекательно, подходит для любого века, для любого времени! – зазывал третий торговец, борясь за их внимание, жонглируя соломенной шляпой, шляпой-котелком и мотоциклетным шлемом.

– Давайте постараемся собрать как можно больше информации, – сказал Энндал. – И если нам придется купить несколько безделушек, чтобы получить то, что мы хотим...

Женщина потянула Менг Чу за рукав:

– Зеркало отражает химер, господин! Очень полезно, надежно!

– Как вы добрались сюда со своими караванами? – спросил он ее. – Вы же не столкнули их с лестницы?

– Все эти вещи! – воскликнул Эней. – Смотри, Леонель, это ты в зеркале! И это я? Да, это я! Я никогда не видел себя так отчетливо! Похож на моего двойника! Я действительно так выгляжу? А химеру тоже можно увидеть с помощью этой штуки?

– Что ж, неплохо, – ответил Леонель, изучая зеркало. – Однако не сравнится с визионерами будущего из моей эпохи. Едва взглянув на них, я могу точно сказать, сколько минут и секунд мне осталось жить.

– Правда? – спросил Эней, широко раскрыв от удивления глаза.

– Нет, – непринужденно сказал Леонель, изучая ручку на доске, – я просто хотел увидеть выражение твоего лица.

Брисеида не могла не улыбнуться. Она встретила взглядом с лысым торговцем, который тут же подошел к ней:

– Ах, мадемуазель, я знаю, что вам нужно!

Он протянул ей маленькие, круглые, золотые часики, на которых с помощью ручной работы были нанесены изображения котят.

– Самая красивая модель в своем роде. И всегда показывает точное время. Подтверждаю, что эти часики никогда не отстают.

Брисеида бросила на него косой взгляд, посмотрела на обелиск и его пустой циферблат.

– Сколько времени?

Песочник посмотрел на циферблат часов.

– Без четверти пять.

На часах действительно можно было увидеть время, но секундная стрелка не двигалась, а на витрине, позади мужчины, на десятках циферблатов – карманных часах, обычных часах,

часах с кукушкой – было совершенно разное время.

– Почему у часов на площади нет стрелки? – спросила Брисеида.

– Потому что на Площади Времени нет времени, – ответил другой торговец через несколько секунд.

– Тогда ваши часы не будут отставать, – скептически сказала Брисеида.

– Именно это я и сказал.

– Зачем нужны часы, если нет времени?

– Успокаивает, когда знаешь, который час. Не похоже, чтобы вы чувствовали себя спокойно.

– Я бы многое хотела узнать...

– О времени? Тогда у меня есть как раз то, что вам нужно! – воскликнул он и побежал в другой конец своего прилавка, где были разложены карты и конструкции всех видов.

– Как вы видите время? – спросил он, начав рыться в своем беспорядке. – Как завиток? В виде сферы? Механической симметрии? Возможно, как симплектоморфизм?

– Не купить ли нам несколько ловцов идей? – спросил Эней, стоя позади Брисеиды. – Они могут помочь нам понять, что здесь происходит.

– Я не уверен, что стоит использовать наши запасы подобным образом, – возразил Энндал.

– Если только ты не хочешь поймать Афродиту, – заметил Леонель. – Возможно, у нее есть ответы на наши вопросы. Олимп, наверняка, недалеко отсюда.

– Ты не хочешь закрыть свой рот? – сказала Лиз. – Не играй с его богами, ты же видишь, как на него влияет подобное...

– Мне нужна истина, – сказала Брисеида торговцу. – Я хочу понять, как устроено время. Торговец повернулся к ней, в его взгляде читалось игривость.

– Но, дорогая, истина зависит только от вас.

– По кругу, – уверенно заявил Оанко, заглядывая через плечо Брисеиды.

Продавец, придя в восторг, достал из кипы бумаг график в виде диска, на котором симпатичными гравюрами было изображено каждое время года.

– Как вы можете объяснить нам время с помощью стольких противоречивых схем? – запротестовала Брисеида, когда поняла, что каждая часть представляет собой различные концепции временной шкалы.

– Всегда найдется решение для каждого, – ответил мужчина в свойственной предпринимателю манере.

– Но должно быть одно решение, которое ближе всех к истине.

– Я покупаю круг, – окончательно решил Оанко.

– Как вы будете платить? Я согласен на сумму более двух тысяч монет, – с гордостью сказал торговец, открывая ящик, такой же большой, как и его прилавок. – Вы пришли в нужное место. Мой сосед напротив принимает только йены пятой тибетской династии. За все время нашего пребывания здесь ему удалось получить зарплату только дважды.

Брисеида посмотрела на караван, расположенный на другой стороне улицы. Неподвижный старик в малиновом халате, сидящий со скрещенными ногами, выставил на витрине пыльные песочные часы.

– У меня с собой только немного целебных растений, – извинился Оанко перед торговцем.

– Превосходно, превосходно, – ответил другой продавец, нажимая на рычаг, от чего его

кассовый аппарат зазвенел.

Брисеида заметила на прилавке небольшую позолоченную скульптуру. Статуэтки миниатюрных химер украшали пирамиду из уменьшающихся в размерах дисков, поддерживаемых стройными колоннами. Единороги, русалки, херувимы, козлоногие гоблины и другие сказочные существа, казалось, занимались своими делами и переходили с одного этажа на другой. На вершине два дракона сражались под присмотром третьего.

– Это... Может быть, это драконы из легенды Цитадели? – спросила Брисеида, вспоминая о картине с изображением сражения драконов, которой она восхищалась. По версии Цитадели, черный дракон, ее эмблема, руководил битвой против красного, эмблемы сопротивления.

– В пирамиде? – сказал торговец, его глаза сверкали, он был очень доволен тем, что наконец-то нашел что-то, что смогло ее зацепить. – Эта модель – теория времен Нила Кубы-младшего, я настоятельно рекомендую ее. В самом низу находится диск реальности, управляемый очень точной единицей времени, о чем можно судить по надписям. Каждый этаж представляет собой состояния сна, все более и более свободного от каких-либо временных ограничений. Ах, да, а на вершине, конечно же, находятся черный дракон – символ души, и красный дракон – символ сердца, а за ними наблюдает синий дракон мудрости – хотя здесь они не цветные.

Брисеида неосознанно сжала скульптуру между ладонями. Разве херувим и песочники не рассказывали ей о разных плоскостях, через которые реальный мир и Мир Снов постепенно сближаются?

– А на каком этаже находимся мы? – спросила она.

Мужчина почесал голову, как будто никогда не задавался этим вопросом.

– Ну, я бы сказал... может быть, на пятом. Конечно, эта теория времени никогда не была проверена... Но я могу продать ее за полцены, если хотите.

– У меня нет денег, – резко ответила Брисеида.

Что ей делать с позолоченной скульптурой высотой пятьдесят сантиметров во время их путешествия?

– У меня есть несколько калуров, – предложила Лиз.

– Согласен! – воскликнул владелец магазина, когда Лиз передала ему несколько маленьких кусочков папье-маше.

Он сжал скульптуру, которая свернулась и превратилась в шар диаметром несколько сантиметров, и отдал ее Лиз за три монеты.

– Он свернул ее! – ошеломленно сказала Брисеида.

– Конечно, – улыбаясь, ответила Лиз. – В чем прок от статуэтки, которая не складывается?

Брисеида кивнула, гадая, на что может быть похоже четвертое тысячелетие, если статуи на центральной площади городов можно положить в карман. Погрузившись в свои мысли, она не сразу почувствовала, как кто-то прикоснулся к ее плечу. Когда девушка обернулась, то увидела перед собой раздраженного молодого человека.

– Почта, – сказал он, протягивая ей свернутый пергамент, запечатанный красным сургучом.

С удивлением Брисеида смотрела, как он закрывает свой ранец, приглаживает свои длинные тонкие усы, затем резко натягивает желтое кепи и уходит.

– Вам дал письмо письмоносец? – с любопытством спросил торговец.

– Письмоносец? – бессмысленно повторила она.

– Ну? И чего же вы ждете? Открывайте.

Очнувшись, Брисеида потянула за пергамент, чтобы сломать печать и развернуть бумагу. Кто мог написать ей письмо и найти письмоносца, который доставит его ей посреди неба?

Моя драгоценная девочка,

Несколько лет назад мои физические эксперименты привели меня к открытию существования места, которое вне времени и которое может быть достигнуто только душой, поскольку оно чуждо всей материи. В то время я назвал его «Мир Снов». Однако сон вскоре превратился в кошмар, когда я оказался в ловушке внутри так называемой Цитадели.

Вчера два херувима совершили непростительную двойную ошибку: они не только потеряли служебное предписание, содержащее отпечаток будущего ученика, но и, желая исправить свою глупость, направили свою стрелу на незнакомца. Зная мою компетентность и зная, что я из соответствующей эпохи, они предложили найти «ошибку» и остановить процесс перехода в Цитадель. В обмен они вернули мне свободу. Они надеялись избежать гнева Цитадели.

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что «ошибка» – это ты! Херувимы не умеют читать, знаешь, они не смогли распознать твое имя в файле, присланном доктором Муленом.

Я молча принял их предложение. Через несколько часов я покину Цитадель, и ты увидишь мое пробуждение.

Я так и не стал студентом, Брисеида, и у меня слишком мало материала, чтобы когда-нибудь раскрыть секреты Цитадели. Но за девять месяцев обучения у тебя будет больше шансов добраться до тайны. Я не могу позволить себе упустить такую возможность.

Я сделаю так, что ты все равно попадешь в Цитадель, создав свой собственный переход: твое прибытие должно остаться незаметным для херувимов. Однажды ты простишь меня за то, что я вот так бросил тебя в логово льва. Возможно, это недостойное поведение отца, но я все еще убежден, что это единственный вариант. Мы должны сделать все возможное, чтобы не позволить Цитадели и дальше злоупотреблять своей властью.

Время – странная штука. Постарайся не распространять информацию, которую ты получаешь в разное время. Невежество прошлого должно вызывать уважение, потому что ошибки, которые прошлое порождает, заставляют нас строить будущее. По этой же причине я, к сожалению, не могу тебе все объяснить.

Я верю в тебя. Где бы ты ни находилась, если ты получишь это письмо, значит, мой вестник преуспел, и ты на верном пути. Путь длинный. Будь храброй.

С любовью, Люсьен

P. S. Никогда не говори херувимам, что ты моя дочь, они будут неустанно преследовать тебя.

Брисеида дважды прочитала наспех написанный текст. Она не могла в это поверить. Мелкий, неровный почерк не оставлял сомнений: это было письмо, которое Лир, друг Энея и Имэны, дал ей в Спарте и которое она потеряла сразу после того, как прочитала.

– Брисеида, что не так? – спросила Лиз.

– Все так плохо, доктор? – рассмеялся торговец. – Девушка, может, вам стоит подумать о том, чтобы вдохнуть, а то в таком состоянии вы долго не протянете.

– Письмо... носец... – поперхнулась Брисеида.

– Что?

– ПИСЬМОНОСЕЦ! Где письмоносец?!

Владелец лавки был поражен и указал в сторону центра площади. Брисеида заметила желтое кепи в толпе, письмоносец переходил улицу по другую сторону обелиска. Она бросилась за ним. Возле огромного изваяния находилось еще больше участников сопротивления. Собравшись в группы, они обменивались своими открытиями, наслаждались едой у одного и музыкой у другого торговцев. Девушка с трудом пробивалась сквозь белые туники. В конце улицы письмоносец ехал на золотом одноколесном велосипеде с рулем.

– Подождите! – крикнула она, размахивая свитком, чтобы привлечь его внимание. – Я хочу кое-что спросить!

Но письмоносец не слышал ее. Неуверенно балансируя на своем одноколесном велосипеде, он звонил в колокольчик, чтобы его пропустили, злясь на рассеянных людей, которые заставляли тормозить. Брисеида была уже совсем недалеко.

– Кто дал вам это письмо? – снова закричала девушка, надеясь, что он обернется.

Возле последнего вагончика письмоносец набрал скорость. Она перешла на бег. Еще несколько шагов. Брисеида протянула руку, чтобы схватить его за рукав, но человек неожиданно провалился в пустоту. Брисеиду обхватила мужская рука.

– О боже, успокойтесь, юная леди, по-моему, у вас нет крыльев! – воскликнул торговец, который держал ее за талию, пока она испуганно переводила дыхание.

Под их ногами одноколесный велосипед продолжал падать.

Но вдруг из центра колеса показались маленькие крылышки, и, пока письмоносец продолжал крутить педали, они плавно унесли его к следующему облаку.

– Вот это транспорт! – воскликнула Лиз, когда появилась позади них, тяжело дыша. – Брисеида, ты расскажешь мне, что происходит?

Брисеида передала ей письмо отца.

– Письмо, которое я получила в Греции. Письмоносец только что вернул его мне и исчез, и даже не объяснил, где он его взял.

– Что?

– Если вы хотите снова увидеть письмоносца, напишите письмо, и он придет и заберет его, – сказал продавец перьев и кистей. – Не стоит рисковать своей жизнью.

По словам торговца, не имеет значения, какой адрес и кому письмо адресовано. Как члену сопротивления, ей достаточно было написать имя на конверте, и письмоносец отнесет письмо по адресу. Он придет, как только у него будет время. Брисеида горячо поблагодарила его.

– Вестник, который в первый раз отправил тебе письмо отца, должно быть, следит за нами, – размышляла Лиз, пока они шли обратно к центру площади. – Иначе как бы он узнал, что ты потеряла письмо и куда отправить второй экземпляр? Возможно, это старик из пустыни. На ум приходит только он...

– Он сказал, что не знает моего отца.

– Старик говорит только то, что ему выгодно.

– Но почему старик прислал нам это письмо и ничего не объяснил?

– Сложно сказать...

– Нужно вернуть письмоносца.

Они нашли своих попутчиков сидящими среди других путников вокруг костра у подножия обелиска. Треск пламени отбрасывал большие черные тени: солнце окончательно село. Лиз переходила от одного к другому, чтобы шепотом сообщить новость, не прерывая пламенной речи женщины, стоявшей в центре круга. Вспыхнули протесты. Брисеида позволила своим друзьям сосредоточиться на выступлении докладчика, который подробно описывал иерархическую организацию служащих Цитадели, с ее стражниками, педагогами, ораторами и другими сотрудниками. Брисеида давно все это знала и понимала, чем сейчас нужно заняться.

Она незаметно достала бумагу, чтобы написать письмо, но обнаружила, что ее последняя ручка уже непригодна. Сидящие рядом с ней Энндал и Оанко сделали покупки: их кожаные сумки увеличились вдвое. Оанко с шумом трижды перевернул содержимое своей сумки и отыскивал немного чернил, но испепеляющий взгляд Менг Чу помешал ему продолжать, чтобы найти перо. Оанко вытащил то, что торчало из сумки Энндала, который был слишком увлечен словами рассказчика, чтобы возмутиться, и передал его Брисеиде, подмигнув ей.

Дорогой папа,

написала Брисеида, прислонившись к гладкой поверхности невидимого пола. Ее взгляд устремился в непроглядную пустую тьму под их ногами. С чего начать?

Я получила твое письмо. Дважды. В первый раз мне его вручил старик из Древнего мира, а теперь письмоносец. Твой вестник, где бы он ни находился, хорошо выполнил свою работу.

К сожалению, я пробыла в Цитадели всего один месяц: боюсь, я не узнала достаточно, чтобы выполнить задание, которое ты мне дал. Но, возможно, просто посещая занятия, можно открыть для себя не так уж много нового. По крайней мере, так считает мой друг Бенджи.

Бенджи. Брисеиде было интересно, что случилось с бесстрашным парнем, который взял ее под свое крыло. Вместе они исследовали запретные коридоры крепости. Благодаря ему она посетила таинственную библиотеку, находящуюся в самом сердце Цитадели и, к своему ужасу, обнаружила книгу своей собственной жизни. Бенджи все еще учится в Цитадели вместе с Уиллисом, Кристофом и всеми остальными? Увидит ли она их когда-нибудь снова?

Сейчас я путешествую с группой участников сопротивления. Опять же, не все идет так, как ты ожидал: в Греции херувимы обнаружили мое присутствие прежде, чем я успела прочитать твое письмо, и теперь они знают, что ты мой папа.

Мы переносимся в другую эпоху. Я не знаю, в какую именно, и не могу предположить, как мы будем шпионить за Элитой Цитадели. Если ты получишь это письмо и сможешь ответить на него, пожалуйста, расскажи подробнее о том, что тебе известно.

У Брисеиды оставалось еще столько вопросов, но она слишком ждала возвращения письмоносца. Девушка подписала письмо, свернула его и нашла в подкладке своей пыльно-

желтой сумки кусок бечевки, чтобы закрепить послание. Она написала имя своего отца на свернутом пергаменте:

Люсьен Ричетти.

Она просканировала толпу глазами в утопической надежде заметить желтое кепи. Если письмоносец не уехал слишком далеко, возможно, он сможет вернуться?

Увлеченного сопротивленца сменила пожилая, немного пухленькая дама. С поджатыми губами, окрашенными в ярко-красный цвет, и оживленно двигаясь, она отстаивала свою точку зрения перед маленьким, худым мужчиной, который отчитывал аудиторию за то, что она высмеяла ее точку зрения.

– Меня не волнует, что химеры – всего лишь иллюзия! Их влияние на мир так же реально, как и наша система сопротивления! Путешествует только душа, и все наши действия имеют последствия в физическом мире. Почему с химерами должно быть иначе?

– Они обсуждают существование химер, – объяснила Лиз Брисеиде, чтобы ввести спутницу в курс дела.

– Им следует спросить у торговцев: они должны знать больше, чем мы.

– В отношении этого вопроса у них так же много разных мнений, как и о погоде, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Мы не сможем исправить ошибки Цитадели, если позволим себе увлечься ее историями, – сказал худощавый мужчина. – Наша роль заключается не в борьбе с химерами, а в легендах, распространяемых Элитой о них! Они являются источником всех разрушений. Только взгляните на легенду о Темных Всадниках!

– Но вы понятия не имеете, что чувствуют жертвы такой иллюзии!

– Все мы здесь, потому что должны были быть студентами, чтобы пережить иллюзии!

Менг Чу кашлянул себе под нос. Два бойца сопротивления повернулись к нему. Генерал встал и указал на Брисеиду, которая отпрянула назад. Сотня людей уставилась на нее. Она пообещала себе, что однажды заставит Менг Чу заплатить за его бестактность, но смирилась, встала и прочистила горло.

– Я пала жертвой легенды о Темных Всадниках, прежде чем сбежала из Цитадели.

Худой мужчина заглушил восклицания и жестом пригласил ее продолжать. Брисеида подбирала слова.

– Я слышала о Темных Всадниках, которые охраняют врата Цитадели. Я видела легенду, показанную в турнирах sudoku, а также страх в глазах техников, живущих в нижнем городе... Но когда Темные Всадники похитили меня... Это как холод, проникающий в сердце, и... Теперь я знаю, что это были мои попутчики, пришедшие за мной... Но в моей памяти навсегда останется травмирующее воспоминание об этом.

– Тогда ты поверила в иллюзию Цитадели? – спросил худощавый.

– Все происходящее казалось мне невероятно реальным. Дым, от которого щипало горло и глаза, запах крови, всадники, убивающие всех на своем пути... У меня до сих пор мурашки по коже.

– Значит, ты признаешь силу психологических манипуляций, применяемых Цитаделью.

– Конечно.

– И ты понимаешь, что Цитадель не нуждается в использовании так называемых химер, чтобы управлять миром. Они нужны, чтобы манипулировать умами.

– Конечно, – пробормотал Леонель, и Лиз кивнула головой в знак согласия.

Брисеида почувствовала нотку грусти: она надеялась, что актриса будет на ее стороне, что она тоже верит в существование химер.

Худой мужчина продолжал:

– Химеры, о которых говорят песочники из пустыни, – это всего лишь идеи. Это борьба разума, которую нужно вести, а не охота на воображаемых существ.

Брисеида молчала. Собравшиеся ждали ее ответа.

– Я бы, наверное, стала придерживаться этой точки зрения, если бы мне не пришлось иметь дело с химерами в реальном мире. Но в Греции, в Спарте, я чуть не погибла в лапах гарпий. Такой опыт меняет мнение.

– Расскажи нам об этом! – нетерпеливо попросила соперница худощавого мужчины, словно желая отомстить.

Затем Брисеида снова рассказала о том, что уже объясняла своей группе перед началом подъема по лестнице в Греции. Как спартанский царь Агис, представитель Альфа-Элиты, беседовал с невидимыми херувимами. Затем он призвал гарпий, таких же невидимых, и привел с ними пленника, Лира, бывшего участника сопротивления. Брисеида невольно вдохнула в себя ангельские значки, превратившиеся в порошок. Физический мир стал размытым, и перед девушкой появились гарпии. Затем херувимы перенесли ее в Цитадель через плоскость реальности, обычно доступную только химерам. Они хотели получить от нее информацию о письме, обличающем их ошибку, которое херувимы хотели найти и которое она сейчас держала в руках. Затем из картин, висевших в коридорах Цитадели, появилось множество химер, чтобы забрать у Брисеиды это письмо, а после прилетел дракон Цитадели...

– Постой-постой, ты утверждаешь о существовании химер, потому что ты видела некоторых из них после того, как вдохнула *порошок*?

Все взгляды обратились к ней. Брисеида почувствовала, как толпа молча переминается с ноги на ногу.

– Не просто порошок... Значок херувимов... Но неважно, что произошло в Цитадели. Я не единственная, кто отреагировал на присутствие гарпий в Греции. Царь спартанцев тоже боялся, я видела страх в его глазах. Почему представитель Элиты должен бояться иллюзии?

– Ты же сама говорила, что студенты Цитадели первыми страдают от иллюзий Темных Всадников. Кто такой член Элиты, если не студент, который слишком долго пробыл в Цитадели?

Сердце Брисеиды сжалось. Может ли он быть прав? Тотщий наслаждался ропотом толпы. Нет, это не может быть просто иллюзией...

– Цитадели не под силу самостоятельно управлять всем, ей нужна Элита, которая знает, как действовать. У царя был колокольчик, с его помощью он общался с херувимами. Когда я была студенткой, то видела, как проводники Цитадели проделывали то же самое в отдаленных комнатах, загроможденных картинами с химерами. Я видела картины с химерами, висящие в неподходящих местах, например под пологом для турниров, куда никто не ходит, кроме, возможно, тех же проводников. Цитадель полна произведений искусства, но на большинстве картин, которые можно увидеть в коридорах, изображены химеры. Мне трудно поверить, что все это просто гигантское совпадение. Кроме того, мы с царем не единственные, кто пострадал от присутствия гарпий. Химеры взяли в плен спартанца, человека, который никогда не был в Цитадели. Это не помешало им задушить его когтями и

унести...

Встретив взгляд Энея, Брисеида покраснела из-за своей лжи. Там был не один пленник: помимо Лира гарпии захватили Имэну, молодую жену Энея. Брисеида тоже видела, как ее утащили химеры, и что бы ни думал Энндал – только он из ее спутников знал всю историю, – вполне вероятно, что молодая спартанка не выжила. Перед тем как исчезнуть, Имэна взяла с Брисеиды обещание не рассказывать Энею о ее смерти. Ее муж должен был жить дальше. Брисеида уважала подобный выбор, но ее тайна оказалась тяжелым грузом.

– Поверьте, я была удивлена не меньше остальных, но химеры существуют. И их намерения не самые добрые.

Индийская девушка робко подняла руку.

– Ты была студенткой, прежде чем стала участницей сопротивления... – сказала она писклявым голосом. – Значит ли это, что ты не по своей воле отправилась в путь?

– Да, именно так.

– Значит, ты связана с Цитаделью?

– Да, – вздохнула Брисеида с болью в сердце. – Я не смогу свободно проснуться в конце девяти месяцев, как остальные бойцы сопротивления. Я попала в Цитадель, потому что мой отец отправил меня туда из-за своих экспериментов. Вы начали свой путь с того, что решили вздремнуть. Вы очнулись в хижине старика, не понимая, как и почему вы туда попали. Старик предположил, что бессознательная часть мозга заставляет душу отправляться в Мир Снов. Даже если мы никогда не узнаем, что на самом деле послужило толчком к вашему путешествию, по крайней мере, никто не держит вас в заложниках. Что касается меня, то если я не найду способ раскрыть Великую Тайну Цитадели к концу своего путешествия, то, скорее всего, застряну здесь или в нижнем городе крепости, пока мое брненное тело не умрет от старости.

– Мы этого не допустим, – заверил Энндал, вставая рядом с ней.

– Но... – с отчаянием сказала индианка, – существует столько участников сопротивления, которые уже много веков пытаются раскрыть секрет Цитадели.

– Они проложили дорогу для нашего путешествия, – сказал Энндал. – Эти поиски должны когда-нибудь закончиться. Мы завершим это дело.

Брисеиде не понравилось последовавшее за этим долгое молчание. Мужчина поднял бокал и прокричал в темноту:

– Да здравствует сопротивление! – И толпа откликнулась эхом:

– ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОПРОТИВЛЕНИЕ!

2. Незапамятные времена

Казалось, внезапно участники сопротивления, собравшиеся вокруг обелиска, забыли о разгоревшемся споре. Брисеида предпочла бы, чтобы разговор продолжался, но у толпы, потрясенной ее историей, уже не осталось сил на споры. Музыканты принесли свои инструменты из совершенно разных веков и континентов и придумывали диковинные ритмы: смеси племенной, барокко, хард-рока, мистической, классической и футуристической музыки. Затем последовал импровизированный бал на невидимом полу, где каждый пытался подобрать подобие мелодии, которую можно было бы использовать, чтобы исполнить танец, достойный их пространственно-временного происхождения.

Брисеида наблюдала за происходящим со стороны. Даже если девушка старалась оставаться незаметной, она уже не могла сосчитать сочувственные взгляды, брошенные исподтишка, якобы для того, чтобы подбодрить ее. Ни один из членов сопротивления не верил в чудо, которое так отстаивал Энндал. Все они знали, что в конце концов она окажется запертой в Цитадели, и им было очень жаль ее. С каждым взглядом в голове Брисеиды все четче формировался образ: ее реальное тело, оставленное на попечение матери; стареющее год за годом; жалкое времяпровождение на безупречной кухне ее маленького пригородного дома, именно там, где так долго жил ее отец...

– Не обращай внимания на скептиков, – сказал Энндал, обнимая ее за плечи. – В своей жизни они так и не сумели совершить ничего выдающегося. Поверь моему многолетнему рыцарскому опыту.

– Вы смогли узнать что-нибудь полезное? Вижу, ты купил много вещей.

– Боюсь, что напрасно. Ни один из двух торговцев не может нормально объяснить, как они сюда попали... Или что мы, сопротивление, должны делать. Но не переживай, мы обязательно найдем зацепки.

– Я написала письмо отцу, чтобы вновь встретиться с письмоношцем, – ответила Брисеида, пытаясь снова улыбнуться. – Надеюсь, он скоро вернется. Возможно, он сможет сказать нам, кто является вестником моего отца.

– Именно такой настрой нам необходим! Ты должна всегда верить, Брисеида, иначе и быть не может. Мы справимся, вот увидишь. Дай нам знать, когда этот письмоносец появится.

Энндал не скрывал своего энтузиазма, что несколько радовало ее сердце.

Вокруг танцевальной площадки велись разговоры. Неподалеку от Брисеиды Оанко объяснял сомневающейся женщине из Конго очевидный принцип путешествия душ в физическом мире:

– Твоя душа подобна воде: она может быть изменчивой, как туман, который несет ветер, когда ты путешествуешь по Миру Снов, и твердой, как льдина зимой, когда приходит время материализоваться в физическом мире. Сначала ты идешь так легко, как души среди облаков, потом падаешь на землю и переходишь в твердое состояние.

– И как я падаю? Как дождь? – Оанко на мгновение задумался, испытывая сомнения.

– Нет, ты не переходишь в жидкое состояние.

– Откуда ты знаешь? – с недоумением спросила женщина.

– Это же очевидно.

– Например, как то, что время движется по кругу? – невинно спросила Лиз.

– Совершенно верно.

Лиз понимающе улыбнулась Брисеиде.

– Жаль, я бы хотела увидеть это жидкое состояние. Кстати, Брисеида, ты забыла свою скульптуру, – добавила она, протягивая маленькую сферу, на которой было указано только имя ее изобретателя: Нил Куба-младший.

– Брисеида! – воскликнул Эней, встав перед ней с очень серьезным лицом. – Это правда, что в эпоху Леонеля никто не умирает от голода, потому что они накачивают цыплят воздухом так, что те становятся вдвое больше?

– Эм... Нет...

– Я так и знал, – проворчал Эней, побежав за Леонелем, пробираясь мимо танцующих.

– Он ведется! Он действительно на все ведется! – засмеялся тот, ему было тяжело бежать из-за смеха.

– Знаешь, почему я стала актрисой? – сказала Лиз, Брисеиду завораживали ее огненно-рыжие волосы. – Чтобы научиться жить в моменте. Нельзя совершать поступки, думая о прошлом или беспокоясь о будущем. Ты должна быть там, быть наготове, независимо от того, какие секреты хранишь в сердце, или – она оглядела толпу – неуместные взгляды тех, кто не знает, о чем говорит. Пошли танцевать!

Она силой вытащила Брисеиду на площадь.

Запаниковав, девушка сосредоточилась на лице своей спутницы: огромные голубые глаза, брови, нахмуренные с той серьезностью, которая не свойственна Лиз; ровные белые зубы, которые были видны из-за изогнутой губы, когда она смеялась; а ее смех – звонкие, звучные всплески.

– Не думай, танцуй! – выкрикнула Лиз, взяв ее за руки и закружив, как юлу.

Брисеида откинула голову назад, поддавшись импульсу, и рассмеялась.

Она как сумасшедшая танцевала с Лиз, а затем Эндал пригласил ее на средневековый танец, который он, должно быть, репетировал при королевском дворе. Мужчина засмеялся, обнажив мелкие ровные зубы и широкую щель между резцами. Его волнистые каштановые локоны касались колючих щек и цеплялись за растущую бороду, как только он поворачивал голову. Один шаг вперед, три назад, пирует в сторону, хлопок в ладоши.

Брисеида старательно избегала Энея, не зная, как смотреть ему в глаза со спокойной душой, поэтому приняла приглашение Менга. Ухмыляясь, генерал вел ее строевым шагом в танце, который, как ему казалось, совсем не сочетался с музыкой. Мужчина выглядел так, будто от этого зависела его жизнь, поэтому несколько раз его вид рассмешил Брисеиду. Менг был немного обижен, но решил развлекаться дальше.

Пока девушка переводила дыхание, она наблюдала за великолепным шаманским трансом, в который погрузился Оанко. Леонель предложил ей потанцевать, при условии, что она не будет наступать ему на ноги. Брисеида снова засмеялась, уносясь в безумном вальсе, который с каждым шагом приближал их к краю площади.

– Ты не так уж безнадежна, – с насмешкой прокричал он сквозь шум вечеринки. – Как ты думаешь, твой письмоносец придет и спасет нас, если мы упадем? Или химеры, если они существуют? Но откуда они могут появиться? Оттуда? Со звезд? Нужно попробовать выяснить... Как думаешь? Попробуем?

– Сначала идешь ты, а потом я.

– Я знаю, что ты пойдешь за мной хоть на край света.

– Ха-ха, сейчас надорву живот от смеха.

- Ты можешь хотя бы притвориться, что я тебе нравлюсь, хотя бы этой ночью.
- Может быть, ты мне нравишься...
- То есть как «может быть»?
- ...но на край света пойдём как-нибудь в другой раз.

В ночи Млечный Путь рассыпал небесные искры. На неподвижной площади множество звезд мерцали на фоне хрустальных шаров, ваз, воды в маленьких фонтанчиках у прилавков. Лежа на спине, Брисеида прислушивалась к тихому бормотанию расположившихся вокруг нее путников. Они казались счастливыми, окунувшись в таинственные мечтания. Брисеида же не могла уснуть, ведь даже не чувствовала усталости. Казалось, ее мышцы воспользовались отсутствием времени, чтобы посмеяться над долгими часами ходьбы.

Крепко спящий рядом с ней Эней издал небольшой свист, вздохнул спокойно и пожевал прядь светлых волос, попавшую ему между губ. Брисеида улыбнулась, наблюдая за ним. Эней всегда смешил ее своей наивностью и добродушным выражением лица. Брисеида понимала доверие Имэны, которое она оказала своему мужу, несмотря на обвинения в трусости, которые греческий город предъявлял спартанцу. Эней обладал удивительной жаждой жизни и энтузиазмом, которые не подлежат сомнению. Он не заслужил таких грязных обвинений. Его атлетическое телосложение, которое он приобрел еще в детстве, не могло скрыть реальности, написанной на его лице: молодому человеку с таким мягким характером лучше было бы родиться в другую эпоху.

Брисеида в нетерпении перевернулась на бок. Как долго будет длиться ночь, если день так сильно капризничает?

Когда погасли последние угли костра, она увидела под площадью бездну, едва ли более темную, чем небо над ними. Казалось, будто астральный свод полностью окутал их.

Ей в голову пришел вопрос: во время первого подъема Лиз поскользнулась, и девушку спасли только отточенные воинские рефлексy Энея. Если бы под их ногами не было земли, куда бы они упали, если бы случайно оступились?

Она достала из сумки сферу Нила Куба-младшего и внимательно осмотрела ее. Небольшая плоская поверхность позволяла сложенной скульптуре оставаться в равновесии. Брисеида провела рукой по абсолютно гладкой сфере и нажала на слегка выпуклые золотые буквы. Они стали погружаться внутрь. Без единого звука сфера раскрылась, как цветок, и диски пирамиды изящно развернулись. Брисеида восхитилась внешней хрупкостью тонкого металла. Насчитывалось девять этажей, на самом верху находился зал с драконом. Самый широкий, реалистичный, диаметром тридцать сантиметров.

Девушка искала подсказки, возможно, скрытые в углублениях металла. Но крошечные надписи оставались непонятными. Эней начал храпеть, мешая ей сосредоточиться. Она толкнула его, чтобы тот перевернулся. Вокруг все было неподвижно. Торговцы спали, их прилавки были убраны.

Брисеида вздохнула. Письмоносец не посчитал нужным возвращаться назад. Или, может быть, магия не сработала? Что, если он не заметил ее письма? Терзаясь сомнениями, она решила написать второе послание. Брисеида достала бумагу, перо, чернила и письмо отца,

которое дважды перечитала при свете луны. При ближайшем рассмотрении пергамент выглядел не таким устаревшим, как первый. Должно быть, это более свежая копия... Для нее было важно найти своего вестника.

На этот раз Брисеида хотела тщательно обдумать текст письма. Перо танцевало между ее пальцами. Какой птице оно могло принадлежать? Белое и тонкое, оно было похоже на перо херувима. Херувим по имени Сефаидон использовал такое же перо, чтобы выследить группу Брисеиды, когда они отправились за советом к греческому оракулу. Она никогда не забудет, как жрица допрашивала их леденящим душу мужским голосом, держа перо в руке. Херувим вселился в тело женщины, которая находилась в трансе, чтобы увидеть человеческими глазами лица противников. Химеры, похоже, могли различать лица людей только таким способом.

Но у продавца перьев и кистей было большое количество перьев, аналогичных тем, которые он продал Энндалу. Брисеида не могла представить, как торговец усадил себе на колени херувима, чтобы ощипать его... Может быть, это было перо лебедя или пеликана?

Она обмакнула кончик в чернила и прикоснулась к бумаге.

Дорогой папа,

пытаюсь привести свои мысли в порядок. Что ты знаешь о химерах?

Лир, который передал мне твое первое письмо, сказал, что их можно увидеть, только если сильно верить. Мне кажется, что я верю. Однако в Спарте я сумела увидеть химер только тогда, когда находилась в трансе: пьяная или под воздействием порошка херувимов. Когда это воздействие прекратилось, никого не осталось, хотя химеры точно там присутствовали... Как можно было почувствовать когти гарпий, но не видеть их?

Брисеида с трудом поборола дрожь при мысли о гарпиях. Если бы девушка не запустила время заново с помощью песочных часов, которые ей подарила пара торговцев песком, Брисеиду постигла бы та же участь, что и Лира и Имэну. Она все еще чувствовала, как огромные лапы сжимают ее лодыжки и ноги, прижимая к земле... Как она могла не верить в химер после произошедшего?

Она решила все рассказать отцу. Может быть, он сможет ей помочь...

Может быть, это от трения ее пера о бумагу исходил такой скрип? Брисеида напряженно подняла руку. Длинный, ровный писк становился все громче. Она осмотрела темноту. Может быть, письмоносец вернулся? За обелиском появились две фигуры. Сердце Брисеиды забилось быстрее.

– Песочники! – воскликнула она, вскакивая на ноги.

Пара катила свои изрядно поврежденные велосипеды с тяжелыми багажниками. Они помахали ей рукой. Брисеида колебалась: стоит ли ей будить остальных?

– Не стоит их будить, – тихо сказала рыжеволосая Эйди, подойдя к девушке. – Будет обидно, если песочники нарушат сон путешественников, не так ли?

Она села, скрестив ноги, напротив Брисеиды, а Мигель стал складывать велосипеды в

трейлер.

– Итак, как проходит твое путешествие?

– Нормально, – ответила Брисеида, она была слишком удивлена, чтобы подобрать нужные слова.

Украдкой она изучала их странные агрегаты. Откуда они взялись? У них тоже были крылья, прикрепленные к колесам велосипедов?

– Ты сегодня не очень разговорчива, – заметил Мигель, присоединяясь к ним.

Его седые волосы были подвязаны лентой и обрамляли лицо, отмеченное годами, но все еще живое и выразительное.

– Не думала, что увижу вас так скоро... И я ждала письмоносца.

– Он вернется, когда придет время. Наберись терпения.

– Сейчас мы тоже находимся на границе сна?

– Не как в прошлый раз, нет. Но в каком-то смысле да. Ты придумала, как использовать песочные часы, чтобы спастись от гарпий. Поздравляем.

Брисеида молча кивнула. Ей так и хотелось сказать им, что если она и пришла в себя в Спарте, после разговора с ними на грани сна – транса, в который ее погрузил значок херувима, – то уж точно не из-за них. Девушка умоляла рассказать, как использовать их подарок, но они просто отвечали, что никогда не смогут научить ее тому, чего она еще не знает сама. Хороши советчики!

– Спасибо за песочные часы, – сказала Брисеида, похлопывая по своей сумке. – Они сослужили мне хорошую службу.

– Не забывай и дальше пользоваться ими.

– О, как мило! – воскликнула Эйди. – Ты нашла скульптуру Нила Куба-младшего! Да и еще такую точную!

– Она изображает состояния Мира Снов, которые все меньше и меньше связаны со временем... Именно об этом вы говорили, когда сказали, что существует множество плоскостей, верно? На витрине, где я увидела эту скульптуру, было так много различных воплощений времени. Как вы думаете, насколько истинно это?

– Зависит от того, что ты называешь истиной.

Заметив раздраженный вид Брисеиды, Эйди добавила:

– Почему бы не задать нам главный вопрос?

Брисеида демонстративно скрестила руки: сейчас не время для загадок. Мигель поцеловал морщинистый лоб Эйди и сжал ее руку между ладонями, ожидая, пока Брисеида примет решение. Но девушка оставалась молчаливой, не в состоянии произнести ни слова.

– Ты не знаешь, что спросить, потому что думаешь, что теряешь контроль, – сказал Мигель. – Но если ты найдешь время, чтобы действительно подумать о происходящем, поймешь, что знаешь больше, чем готова признать. Давай, подумай. Что ты узнала с тех пор, как начала свое путешествие?

– Цитадель хранит в своих стенах все знания человечества с начала времен. Открытия, изобретения, произведения искусства... Она выбирает, когда и как по каплям передать свои сокровища человечеству, с единственной целью – лучше контролировать его. Трудно представить, каким бы стал мир без этих манипуляций, ведь Цитадель существовала всегда. Но если судить по моему собственному опыту в эпохе, откуда я пришла... Ну, все могло бы быть и лучше. И если Цитадель из жажды власти провоцирует подобные беспорядки... Наш долг – помешать ей манипулировать нами.

– Хорошо, продолжай...

– Крепость слишком мощная, чтобы атаковать ее открыто. Поэтому на земле, в реальном мире, нужно создавать для нее препятствия. Но Цитадель ведет свою деятельность везде и во всех эпохах одновременно. У сопротивления никогда не получится силой остановить ее везде и сразу. Наш единственный шанс – открыть миру ее существование, чтобы все народы во все времена восстали и вернули контроль над своими судьбами. Но если прямо сказать людям, что ими манипулируют, то ничего не получится. Единственный способ заставить их поверить в существование крепости – это показать ее им.

– И...

– Сначала старик из пустыни сказал нам, что посылает нас узнать, как крепости удается оставаться скрытой от всего мира. Теперь я знаю, что Цитадель находится в Мире Снов, нефизическом месте, и лучше понимаю, как у нее получается оставаться незамеченной. Но есть способ раскрыть ее существование. Я уверена, что есть, потому что иначе Цитадель не хранила бы свою Великую Тайну. Мой отец и старик рассказали о Великой Тайне Цитадели. Именно она – логическая основа Цитадели. Понимание этого позволит нам связать воедино все ее тайны. Например, как рисунок пазла, который подсказывает расположение его частей.

Старик считает, что личность Главы Цитадели, который управляет крепостью, является одним из ключевых элементов, который позволит нам раскрыть Великую Тайну. Именно тогда мы поймем, в чем интерес Цитадели – в контроле над эволюцией человечества и лишении его богатства. Интересно, что может получить создание, живущее в Мире Снов, от угнетения физического мира... Ответ будет разным в зависимости от того, это создание – человек, который не бывает в физическом мире, или дух Мира Снов, как, например, старец пустыни... Но, конечно, личность Главы Цитадели так же невозможно раскрыть, как и саму Великую Тайну, поэтому сейчас нам этот вариант не подходит. Сначала мы должны ослабить Цитадель: старик убежден, что если мы сделаем все возможное, чтобы выявить оружие Цитадели и помешать ей в ее повседневных действиях, у нас будет больше шансов напасть на след Великой Тайны.

– Что ж, очень хорошо. Так каким же будет твой вопрос?

– ...Почему химеры так агрессивны? – сказала Брисеида после секундного промедления.

– Очень хороший вопрос, – ответила Эйди. – Продолжай.

– Именно благодаря химерам царь Агис смог найти нас, вычислить и угрожать смертью.

А в Цитадели полно химер. Очевидно, что эти существа находятся на службе Цитадели, и их следует бояться как чумы. И все же...

Пара терпеливо ждала продолжения. Брисеида откашлялась.

– Группа сопротивленцев рассказала нам о феях, собирающих цветы снов, из которых черпаются идеи. Они сказали, что мы сажаем наши цветы в Мире Снов, а феи, помогая нам, распространяют пыльцу в реальном мире. История немного сумасшедшая, но она заставила меня задуматься, и я задалась вопросом...

– Да?

– Человечество создало Мир Снов?

– Естественно. Мир Снов – это не что иное, как накопление снов человечества.

– Но именно вы были первыми в пустыне, кто сказал нам, что химеры пришли из Мира Снов. Значит, их тоже создали мы.

– Да.

– Так почему же они выступают против нас? Почему они служат Цитадели?

– Ты знаешь ответ.

– Потому что Цитадель нашла способ контролировать их. Цитадель – это паразит, который пробрался в Мир Снов и настроил химер против их создателей.

– Видишь, – засмеялся Мигель, – на свои вопросы ты замечательно отвечаешь сама.

– Но что сделать, чтобы химеры не навредили нам?

– Время от времени химеры пробираются в реальный мир. Но Цитадель силой выталкивает их туда.

Эйди жестом указала на скульптуру Нила Кубы-младшего. Брисеида икнула от удивления: статуэтки химер ожили, перебрались на пирамиду. Почти все они теперь занимали предпоследний нижний диск. Они кувыркались, валялись и расхаживали вокруг, как пестрая фауна на скотном дворе, чувствуя себя совершенно непринужденно в этом тесном пространстве.

– На втором диске химеры исчезают, – говорит Эйди. – Они из Мира Снов, они не могут выжить на первом диске, где нет никакой сновиденческой энергии. Но химеры опасны даже на втором уровне. В Греции ты испытала на собственной шкуре, когда столкнулась с гарпиями. Тогда ты находилась на первом диске, у основания.

Брисеида поднесла руку ближе, но не осмелилась коснуться существ, вместо этого она провела пальцами по широкой поверхности первого диска.

– Вы, странствующие души, также пересекаете уровни между Миром Снов и реальным миром, – продолжала Эйди. – Но когда добираетесь до конца лестницы, то снова оказываетесь в реальном мире, и тогда вам приходится сосредоточиться на том, что вы уже знаете, – на физическом мире, ведь вам доступен только он. Все, что вам нужно сделать, – это начать мыслить по-другому, чтобы заметить этих хулиганов, поймать их...

Она обхватила двумя пальцами маленького сфинкса с крыльями летучей мыши. Химера извивалась, когда женщина поднимала ее, кусалась и пыталась вырваться.

– ...и вернуть на место.

Она опустила сфинкса на пятый уровень.

– Химеры не должны находиться на втором диске, – закончила Эйди. – Чтобы ослабить Цитадель, мы должны контролировать их движение.

– Я сплю, – вздохнула Брисеида, ее взгляд был прикован к фигурке маленького сфинкса, который сейчас с недовольным видом облизывал свою лапу.

– Разумеется, – весело сказала Мигель.

Брисеида посмотрела в сверкающие глаза песочника. Но ее веки отяжелели. Лица пары постепенно расплывались, а затем исчезли...

– УЗНАТЬ ВРЕМЯ! УЗНАТЬ ВРЕМЯ В МГНОВЕНИЕ ОКА!

– ЧАСЫ, КАПСУЛЫ, ДЕНЬГИ!

– Это просто нелепо, на самом деле, нам пора уходить.

– Брисеида, давай, просыпайся!

Брисеида с трудом открыла глаза, оглохнув от непрекращающейся болтовни торговцев. Она заснула, положив голову на пергамент. Лиз со смехом протянула ей носовой платок,

чтобы та вытерла маленькие черные буквы, отпечатавшиеся на щеке. Леонелю было не до смеха: Брисеида опрокинула во сне чернильницу. Чернила пролились на его сумку и впитались в ткань.

– Ой, прошу прощения... – извинилась она.

Леонель устало махнул рукой, и его вчерашнее хорошее настроение уже испарилось. С такой неуклюжей особой толку не будет.

Пирамида Нила Кубы-младшего все еще стояла рядом с письмом. Брисеида подняла ее, вернула фигурки на прежнее место. На пятом этаже маленький угрюмый сфинкс лизал свою лапу. Она не могла сказать, стоял ли он там накануне. Она с усилием надавила на драконов, и скульптура сложилась сама собой. На пергаменте было нацарапано всего несколько предложений, хотя она думала, что уже запечатала письмо. След песочников простыл. Брисеида с ужасом обнаружила, что перо Энндала осталось в индийских чернилах. Его верхняя треть стала черной. Энндал вместе с Энеем отправился к пекарю за горячим хлебом. Она будет ждать их возвращения, чтобы рассказать о своем сне. Брисеида незаметно сунула перо в сумку и сказала остальным, что ей нужно сделать кое-какие покупки.

– Вы пришли купить у меня крылья? – рассмеялся вчерашний торговец перьями и кистями, когда она подошла к его лавке.

Накануне Брисеида не солгала: у нее не было денег. Она напрочь забыла о такой детали.

– Сколько возьмете за это перо? – спросила она, указывая на белое перо, точно такое же, как у Энндала.

– Десять.

– Десять чего?

– Знаете, если бы нам нужно было следить за валютой всех эпох одновременно... Десять любых подойдет.

Брисеида порылась в своей сумке в поисках десятка чего-либо. В растрепанной подкладке, где все еще болталось множество мелких предметов, она наконец откопала старый билет «Монополии» за пять евро.

– Пять – это мое последнее предложение.

Мужчина взял розовую банкноту, чтобы рассмотреть ее более внимательно.

– Из какой эпохи эта валюта?

– Европа, двадцать первый век.

– Ах, да, Европа. Там все довольно сложно, как по мне. Отдам за пять только вам.

Брисеида увидела, что ее попутчики выстроились напротив Лиз, увлеченно поглощая теплые булочки.

– Я пытаюсь установить хронологический порядок, – пояснила Лиз Брисеиде, передавая той ее порцию. – Эней пришел из более поздней эпохи, поэтому мы должны путешествовать по порядку. Но нам еще предстоит выяснить этот порядок. Но я точно не рискну снова идти первой.

По прибытии в Грецию они обнаружили, что только Эней способен пройти по этой невидимой тропе, не поскользнувшись. Каждый сопротивленец, казалось, служил ключом для входа в его собственное время. Остальным пришлось следовать позади. Но каким будет их следующий шаг?

– Возможно, нам стоит остаться здесь подольше, чтобы понять, что необходимо сделать перед уходом? – предложила Брисеида. – Мы все еще можем задать вопросы участникам сопротивления.

– Чтобы они могли снова сбить нас с толку рассказами о сачках для бабочек? – спросил Леонель.

– Здесь нельзя доверять людям как торговцам, так и участникам сопротивления, – сказал Менг Чу, осматривая группы людей в белых одеждах, стоящих рядом с лавками торговцев. – Причина, по которой старик продолжает посылать новые команды, заключается в том, что старые не смогли понять, что происходит. Мы должны найти путь сами, и как можно скорее.

– Не отвлекайся, Менг Чу, – вмешалась Лиз, – я еще не закончила свой хронологический ряд.

Брисеида глубоко вздохнула:

– Прошлой ночью мне приснился сон. Я видела песочников. Они были там, на Площади Времени, пока вы все спали. Они сказали мне, что движение химер должно находиться под контролем.

Эней широко распахнул глаза:

– И что же это значит?

– В пустыне нам рассказывали, что химеры регулярно переходят из одного мира в другой через произведения искусства, помните? Но Цитадель форсирует их передвижения. Она выталкивает химер в реальный мир и заставляет их служить ей. Наша задача – отправить этих химер обратно в Мир Снов. И когда защита Цитадели ослабнет, у нас появится шанс узнать ее Великую Тайну и заставить открыться миру.

– И мы должны верить, потому что тебе это приснилось?

Энндал положил руку на плечо Леонеля, чтобы заставить его замолчать.

– Если то, что ты говоришь, правда, Брисеида, то мы в любом случае должны отправиться в наш следующий пункт назначения, чтобы найти этих химер. И если мы их обнаружим, то никто не усомнится в твоём сне.

Энндал смотрел на нее своими прекрасными светлыми глазами, ожидая, пока она кивнет. Он поверил ей. Леонель выводил ее из себя, а задумчивость и нерешительность Лиз и Менг Чу ужасно обижали. Но она должна была признать, что не может винить их за недоверие к ее сну, когда она сама находила его нелепым. Девушка вздохнула и указала пальцем на Леонеля.

– Леонель пришел из 1917 года, он должен быть прямо передо мной.

Лиз потянула Леонеля за собой. Эней ждал на другой стороне. Трое мужчин среднего возраста остались в центре. Они знали, что Энндал родом из эпохи раннего Средневековья, точнее, из 1450 года, но время двух других оставалось неясным. Менг Чу, пожилой мужчина с гордым взглядом и высоким седым пучком, прекрасно знал, как правильно вести себя в свое время. Но китайская система летоисчисления была неизвестна остальным и затрудняла понимание. Что касается Оанко, то его концепция времени оставляла желать лучшего.

Брисеида поняла, как она гордится тем, что является частью такой невероятно абсурдной группы. Неважно, что Менг вел себя отвратительно, или что Леонель иногда раздражал ее... Находясь рядом со своими спутниками, она чувствовала себя сильнее, чем когда-либо.

Лиз пихнула ее локтем.

– Так, ты спишь или помогаешь мне?

Девушка искала подсказки в образе жизни каждого человека. Оанко жил охотой и рыбалкой, и до своего путешествия он никогда не был в городе. Менг Чу получил

образование и возглавлял армию огромной империи. Китайский генерал, должно быть, пришел из более поздней эпохи.

Было решено, что Оанко возглавит экспедицию. Энндал, Менг Чу, Леонель, Брисеида и Лиз последуют за ним. Эней замыкал ряд. Каждый из них достал из своей сумки небольшой прибор, предложенный Марией, давней подругой старика в пустыне. Сами по себе эти старые вещи не представляли особой пользы. Но вместе они позволили найти невидимый путь, который был предназначен для них. Старый монокль фокусировал солнечные лучи на грациях куба, сделанного из деревянных граней. С помощью полученной меры настраивались три ветви камертона, которыми нужно было стучать по прозрачным стеклянным дорожкам, чтобы выбрать ту, которая резонировала бы четко, без фальшивых нот. Оставалось только распылить парфюмерный пар, чтобы угадать линии лестницы. Каждая группа сопротивления имела более или менее похожую версию использования этих странных предметов. И успешно с этим справлялась.

Их путь лежал между двумя пурпурными трейлерами. Они должны были идти прямо навстречу восходящему солнцу, однако это не гарантировало, что они пойдут на восток, поскольку накануне солнце зашло в этом направлении. Но Брисеида больше не беспокоилась о таких мелочах.

Оанко сделал первый шаг, держа флакон духов, прищурив глаза. Брисеида взяла Леонеля за руку и неохотно последовала за ним в пустоту. Она слишком привыкла к безопасности деревянных трейлеров.

Звуки площади постепенно стихали. Между замками тумана снова воцарилась тишина. Затем путь превратился в набор ступенек. Лестница уходила вниз по спирали и пронзала море неподвижных облаков. Они медленно погружались в белый океан. Вскоре их окутал темный туман. Пар духов больше не приносил никакой пользы. Оанко нащупывал конструкцию, заставляя ее непрерывно звенеть. На их хмурые лица падали маленькие капельки конденсата. Напряжение нарастало. Все знали, что момент истины близок. Правильно ли они поступили, поставив Оанко впереди?

Наконец полуденное солнце робко пробилось сквозь сырое серое покрывало. Ступени уступили место прямой дорожке. Оанко обрызгал его спреем, успокоившись, что нашел опору, и уверенно шагнул вперед.

– СТОЙТЕ!

Он застыл, вытянув ногу вперед. Леонель инстинктивно сжал руку Брисеиды.

– Посмотрите туда! – добавил Менг Чу, который отдал приказ остановиться.

Неподалеку, наполовину скрытая в тумане, стояла арка, состоящая из каменных плит. Не раздумывая, Менг Чу прошел мимо Оанко. Он взял флакон с духами, в одиночестве подошел к двери, которая была вдвое выше его самого, рассмеялся и счастливо вздохнул:

– Хуашань...

3. Генерал

Менг Чу был так счастлив вернуться домой, что едва не забыл о своих спутниках.

– Мы находимся на горе Хуа, одной из пяти священных гор Поднебесной, – объяснил он, торжественно подводя друзей к каменным воротам, украшенным китайскими надписями. – Нам повезло, строительство канала было завершено в прошлом году: если мы воспользуемся им, то будем в Чанъане уже завтра вечером. Конечно, император не ожидает меня так скоро: я должен находиться на северо-восточной границе. Если мы вернулись примерно в то же время, когда я отбыл, как Эней в Греции...

Он остановился перед внушительной аркой и с наслаждением втянул воздух.

– Вы чувствуете? Пахнет осенью. Именно тогда я уехал.

Брисеида глубоко вздохнула. Они все еще стояли в пустоте, но слабый китайский ветерок ласкал их лица. Пахло кедровым деревом, сосной, горами и неизвестными ароматами. Величественная дверь, стоящая посреди пустоты, казалось, предостерегала их. Брисеида будто пересекала порог храма.

На другой стороне их ожидало захватывающее дух зрелище. Возведенная на вершине пика, арка открывала вид на два других молочно-белых пика, окруженных головокружительными хребтами и скалами. Солнечные лучи пронзали стаи облаков, цеплявшихся за скалы, и опускались на небольшие горы, испещренные красными прожилками. Оранжевая листва ранней осени окутала подножие горы Хуа и утопала в горизонте.

– Добро пожаловать в мой дом, – с гордостью сказал Менг Чу, и Оанко кивнул в благоговении от открывшегося вида.

Когда они достигли земли, на них нахлынуло огромное облегчение. Эней лег на землю, слишком счастливый, чтобы ощущать упирающийся в спину камень. Лиз собрала несколько цветов и вплела их в волосы каждого.

– Итак, что вы думаете? – спросил Леонель. – Эпоха Менг Чу идет сразу после Энея, или мы путешествуем не по порядку?

– Если время – это карта, то, возможно, порядка нет, – заметил Эней. Брисеида собиралась ответить, но Оанко оказался быстрее:

– Последовательность круга бесконечна. Как бы то ни было, мы ничего не потеряли.

Брисеида обменялась с Леонелем мимолетным взглядом, подавив смех. Лучше не возобновлять дискуссию. Она нашла песочные часы в своей сумке и перевернула их, как ей сказала пара песочников перед первым путешествием. Когда все песчинки в стеклянной колбе размером с кулак переходили на другую сторону, им приходилось искать лестницу и начинать все заново в другой эпохе.

После первого восторга Брисеида почувствовала, как к горлу подступает тревога. Они снова оказались в реальном мире, во власти Элиты и невидимых химер. Крик хищной птицы эхом разнесся по долине, напомнив ей вой гарпий. Эней тоже напрягся.

– Возможно, нам не следует слишком долго находиться вблизи небес, – предположил он. – Лучше не искушать богов и их творения.

Менг Чу объявил:

– Если мы отправимся сейчас, то сможем достичь Желтой реки и устья канала до наступления темноты. Там мы должны найти судно и добраться до Чанъаня. Давайте не

будем терять время.

Собравшись с силами, Брисеида стала мысленно рассуждать. В Греции херувимы нашли их, потому что они совершили очень много ошибок. Друзья отправились прямо к царю, и Брисеида, опьянев, забрела в его шатер. В ту ночь она не приняла всерьез свои видения, и они поспешили к оракулу с пером, которое дал ей херувим. Затем она показала значок Купидона, обозначив химере свое местоположение так же уверенно, как если бы она позвонила в ее дверь. Херувимы никогда не нашли бы их без этой дурацкой золотой пуговицы. Химеры могли оставаться невидимыми, но они не обладали всей полнотой власти. И теперь Цитадель и ее служители не имели возможности узнать, в какую эпоху отряд только что прибыл. Теперь, чтобы избежать проблем, им нужно было просто держаться в тени. Сейчас, когда путники знали, где они находятся, это будет сделать не так уж сложно...

Генерал повел их по тропе, которую хорошо знал, так как неоднократно поднимался на священную гору. Недалеко от первых деревьев им пришлось пересечь узкий проход, прорытый между двумя большими скалами, миновать скрытый вход в жилище отшельника, а затем продвигаться по уступу скалы, чтобы выйти на крутую тропу на вершине хребта. После невидимой лестницы Брисеида рассчитывала на легкое путешествие.

Причем не принимая во внимание тот факт, что на земле опасность кажется гораздо реальной. Под их ногами крошились камни, скатываясь с гладких стен в глубокие долины. С каждым шагом Брисеида чувствовала, будто ее засасывает вниз. Несколько раз ей приходилось прижиматься к скале, закрывать глаза и ждать, пока сердце успокоится. Наконец они вошли в редкий лес. Тропинка расширилась, и путники смогли остановиться на мгновение, чтобы перевести дух. Брисеида достала из сумки песочные часы и внимательно изучила их: за один час упало всего несколько песчинок. Их пребывание в Китае может продлиться довольно долго. Она положила песочные часы обратно в сумку со вздохом облегчения: она не чувствовала себя готовой к роли канатоходца в ближайшее время.

– Менг Чу, – заговорил Энндал, прислонившись к дереву, – ты расскажешь нам о ситуации на родине, прежде чем мы доберемся до реки? В Греции ты упоминал о генерале.

– Генерал Ань Лушань командует армией, стоящей лагерем на северо-западной границе империи. У меня уже были основания полагать, что он стремится свергнуть императора, и старик в пустыне подтвердил, что Элита готовит заговор при дворе, чтобы осуществить свой переворот. Цель сопротивления – дестабилизировать Цитадель и найти способ рассказать о ней миру. Но старик не вызывал меня, великого полководца армий Поднебесной, для столь туманной миссии. Он попросил меня о помощи, потому что знает, что Элита моего времени собирается уничтожить величайшую империю, которую когда-либо знал мир, и ее нужно остановить любой ценой.

– Следовательно, Элита на стороне тех, кто поддерживает генерала.

– Да, но его сторонников нелегко найти, они хорошо маскируются.

– Постой, разве старик не сказал тебе, что император уполномочил его возглавить сопротивление? – спросил Леонель.

– В доказательство он показал мне письмо, скрепленное императорской печатью.

– Именно это я и боялся услышать. Старик сказал тебе то, что ты хотел услышать. Сопротивление зародилось много веков назад, Менг Чу. Так что старик, разумеется, не ждал одобрения твоего императора, чтобы отправить своих протеже в пустыню. И не старик вызвал тебя, ты очнулся в пустыне, потому что бессознательное состояние заставило твою душу путешествовать, как и всех нас. Старик придумал эти истории о разрешении и

государственном перевороте только для того, чтобы ты согласился отправиться с нами.

– Леонель прав, – признала Брисеида.

– Я прав? Неужели это ты говоришь?

Брисеида проигнорировала его сарказм.

– В Чанъане придется быть крайне осторожными. В Греции нам повезло, потому что херувимы долго не могли понять, кто я такая. Среди прочего, мы участники сопротивления. Теперь дело уже не в этом. Мой отец в своем письме высказался предельно ясно: теперь, когда они знают, что я его дочь, они будут преследовать меня без устали.

– Почему? Разве имеет значение, что ты его дочь? – спросил Энндал.

– Если бы я знала! Однако я понимаю, что нам ничего не известно о химерах. У нас просто нет возможности противостоять им. С другой стороны, херувимы способны останавливать время. Если они найдут нас здесь до того, как мы научимся защищаться, это будет катастрофа.

– И что, по-твоему, эти херувимы могут сделать с нами?

– Ты даже не представляешь, на что способны химеры! – резко ответила Брисеида и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Ее голос начал дрожать, а кровь бурлила в венах. Она жалела, что ей с трудом удастся оставаться спокойной. Измученное лицо Имэны ослепило ее.

– Мы просто не можем допускать ошибок, – сказала она более спокойно.

– Брисеида, – сказал Менг Чу после минутного молчания, – думаю, тебе пора объясниться. Мне кажется, ты что-то скрываешь от нас.

– Нет, я... О чем ты говоришь?

– В Греции произошло что-то, о чем ты нам не рассказала.

Брисеида встретила взгляд Энея. Девушка стиснула зубы.

– Итак, Брисеида?

– Оставьте ее в покое, – сказал Энндал, – спуск был нелегким и...

Менг властным жестом заставил его замолчать, встал перед Брисеидой, скрестив руки на груди, и сурово на нее посмотрел.

Брисеида почувствовала, как в животе у нее сжался клубок гнева, а щеки покраснели. Что он задумал?

– Что ты хочешь знать? Я уже все вам рассказала.

– Ты в этом уверена?

– Да.

Она, не моргая, выдержала его взгляд.

– Мы, китайцы, поступаем согласно пяти великим добродетелям, среди которых есть и честность. Я не потерплю, чтобы ты явилась ко двору Чанъань с нарисованной на лице ложью. Энндал, спускайся с остальными в долину, мы встретимся с вами позже у канала. Брисеида, ты идешь со мной. Только отшельник сможет исправить такую упрямцу.

– Что? У тебя все в порядке с головой?

– Я думал, что мы должны до темноты успеть добраться до Желтой реки? – заметил Энндал.

– Просто идите вниз по склону, подождите нас, мы вернемся быстро.

– Я не буду забираться на эту гору еще раз!

– Если ты думаешь, что я готов потерять доверие императора из-за твоих капризов, то заблуждаешься. Либо так, либо мы возвращаемся обратно по лестнице.

– О боже, Менг Чу, может, ты уже успокоишься? – вмешалась Лиз. – Нет повода злиться. Я тоже вижу, что Брисеида не все нам рассказала.

– Лиз!

– Но я уважаю твой выбор, Брисеида. Мы сейчас переживаем очень странные времена. Может быть, тебе нужно довериться кому-то более чуткому?

– Я – представитель этой эпохи. Если Брисеида не может рассказать мне все и сразу, то я отведу ее к отшельнику. Он знает, как вытащить из нее информацию.

Брисеида, чувствуя разочарование, повернулась к рыцарю.

– Энндал меня не переубедит, Брисеида, – предупредил ее Менг Чу, бросив взгляд на рыцаря. – Он может руководить нашей группой, но это мой дом, и я лучше других знаю, как правильнее поступить ради нашей миссии.

Энндал смущенно кивнул, затем выдохнул:

– Пусть он поступает так, как считает нужным, Брисеида.

Взбешенная, она огляделась вокруг в поисках поддержки в глазах остальных. Эней не двигался, Леонель устоял на свои ноги, Оанко состроил жалостливую гримасу.

– Нам необязательно возвращаться к отшельнику, Брисеида, – сказал Менг Чу. – Тебе просто нужно все рассказать.

Брисеида окинула всех взглядом и решительно затопала по склону.

Она хотела обогнать Менг Чу, но выдохлась раньше его. Возле обрыва ее сердце снова начало бешено колотиться. Она нехотя приняла руку, которую Менг Чу протянул ей, дабы помочь преодолеть трудные участки. Чтобы найти логово отшельника, ей пришлось подняться по ужасно крутой стене, находящейся на краю пропасти. Брисеида проклинала генерала с каждым шагом, ужасаясь, что пальцы слишком слабы и не могут ухватиться за камни, когда мужчина толкал ее вверх. Наконец они достигли небольшой затененной площадки.

– Нам повезло, он не всегда бывает здесь, – сказал довольный Менг Чу.

Брисеида посмотрела на него. Он заставил ее подняться на гору, даже не будучи уверенным в том, что найдут отшельника?

Место казалось пустынным, но генерал целеустремленно направился к темному закоулку, где Брисеида увидела старика, сидящего на полированном камне и сохранявшего полную неподвижность. Его иссушенная кожа сочеталась с коричневатым цветом камня. Светлые глаза были скрыты под опущенными веками. Длинная, вьющаяся борода закрывала руки, которые сжимали трость. Менг Чу почтительно поприветствовал его и что-то прошептал на ухо. Отшельник кивнул.

– Следуйте за мной.

Генерал помог ему подняться на ноги и подтолкнул Брисеиду вперед.

– Прежде всего, сдерживай свой нрав.

– Только если ты отвалишь от меня, старый придурок, – пробормотала она. Мужчина сделал вид, что не услышал ее.

Она последовала за отшельником через лабиринт изогнутых камней. По другую сторону их ждал захватывающий дух вид: скала круто уходила в глубь долины и плавно поднималась на противоположной стороне.

Слепящее солнце освещало стену. Отшельник с беззубой, но доброжелательной улыбкой пригласил Брисеиду сесть напротив него. Он попросил показать руки, мгновение изучал их, а затем вздохнул:

– Генерал Чжоу прав, ты не совсем честна. Видишь ли, ладонь твоей руки – земля. И эти линии представляют пять рек, которые протекают по ней, и пять добродетелей, которые необходимо соблюдать, чтобы жить в гармонии с землей. Это река честности. Смотри, как она близка к высыханию. Здесь можно говорить спокойно: ничего из сказанного не будет передано.

Брисеида на мгновение замешкалась. Горящие глаза отшельника напомнили ей о старике из пустыни.

– Я обещала кое-кому молчать и не собираюсь предавать доверие, – защищаясь, сказала она.

– На сердце у тебя тяжело, – признал отшельник. – Но ты не должна нести этот груз в одиночку. Если ты не можешь говорить – напиши, станет легче. Но суть не в этом. Ты занимаешься самообманом. Ты смотришь на то, что твое сердце не готово видеть. Нужно осознать свои границы, если хочешь суметь выйти за их пределы. Скажи, что вы ищете?

Брисеида не знала, что сказать. Что бы сказал отшельник, если бы она призналась, что надеется увидеть химер?

– Я ищу истину.

Отшельник зарылся пальцами в складки своей рясы, а затем покопался в неровных прядях своей бороды.

– Проклятие, при себе у меня ничего нет. Для решения твоей проблемы требуется талисман. Маленький предмет: драгоценность, игрушка...

Слова отшельника повисли в воздухе, а сам он уставился на нить, висевшую на шее Брисеиды, на которой висел кулон. Брисеида приложила руку к шее, ее сердце бешено колотилось. Как этот старый отшельник догадался о важности ее украшения? Странный бродяга подарил его на рынке в ее родном пригороде. Это был простой маленький оранжевый янтарь, внутри которого парила золотая спираль. Брисеида давно забыла о кулоне, который валялся в сумке, и заинтересовалась им только после того, как подруга старика настояла на том, чтобы девушка позаботилась о камне. Она по-прежнему не знала личности бродяги из своего времени. И не знала, что связывало этого странного персонажа с сопротивлением. Брисеиде было известно лишь то, что песочники называли камень «ее первым подарком» и что без него Брисеида никогда бы не выбралась из сна, куда затащили ее химеры.

Был ли отшельник в стоворе со стариком из пустыни? Может ли он действительно помочь им в поисках? Брисеида достала свой кулон и протянула его старику, внимательно наблюдая за его реакцией.

– Идеально! – воскликнул отшельник. – Отныне этот камень хранит в себе твое обещание быть честной. Этот путь труден, он требует большой решимости. Когда на тебя нахлынет уныние, посмотри на свой талисман и тогда вновь обретешь уверенность в себе. Теперь ты исцелена и можешь идти.

Брисеида не могла скрыть своего разочарования. Отшельник не имел никакого отношения к сопротивлению. Он просто заметил кулон на ее шее, решил использовать для своих предсказаний и потратил ее время.

– Понимаете ли вы, что я взобралась на гору и прошла вдоль огромных пропастей, чтобы услышать от вас эти слова? Возможно, я должна также поблагодарить вас за талисман, который принадлежит мне?

– Никто другой не может определить твои границы или найти твою истину.

Она сердито сунула кулон в сумку, но отшельник взял ее за руку и не дал встать.

– В тебе говорит гнев.

– Да что вы!

– Кто вызывает у тебя гнев?

– Вы действуете мне на нервы! Как будто мне не хватает Менг Чу! Я ненавижу, когда мне читают нотации. Он пользуется тем, что я самая младшая, что мне всего восемнадцать.

– Я говорю о глубоком гневе.

Он запустил пальцы в сумку Брисеиды, вытащил кулон и раскачал его, как маятник.

– Внимательно посмотри на этот камень. Теперь сосредоточься и скажи мне, что происходит. Кто вызывает твой гнев?

– Я не то чтобы злюсь, – вздохнула Брисеида, – я просто немного расстроена.

– Да, это так. Если хочешь быть честной сама с собой, начни с простого.

Брисеида капитулировала. Она прищурилась и посмотрела на оранжевый камень. Девушка не понимала, как именно он может помочь, но все же сделала над собой усилие:

– Думаю, я злюсь на себя. Мой отец возложил на меня миссию, и я знаю, что не справлюсь с ней. Я все делала неправильно с самого начала.

Отшельник надел кулон на шею Брисеиды и нежно погладил ее.

– Нестрашно, можно все начать сначала. Сконцентрируйся. Кто вызывает у тебя гнев?

– Я также злюсь на себя за то, что оставила маму одну с моим младшим братом.

Наверное, она сильно волнуется.

Старик медленно кивнул.

– Идем со мной.

Он потянул ее за руку к краю обрыва.

– Осторожно. Ты думаешь, что являешься хозяйкой своих мыслей, но твои глубинные убеждения мешают видеть. Понимаешь, пустота – твой союзник. Если хочешь измениться и по-настоящему прозреть, ты должна впустить это в себя. А теперь скажи мне: кто вызывает твой гнев?

Брисеида не хотела смотреть вниз, но головокружение не проходило. Все, чего она хотела, – это сделать три шага назад, чтобы уйти от опасности.

– Я не знаю, – выдохнула я.

– Плохо.

Отшельник пожал плечами, обеими руками обхватил свою палку и сочувственно улыбнулся.

– Ну, что ж.

И резко двинув тростью, он толкнул ее в пустоту.

Перед ее глазами не промелькнула жизнь. Однако ей говорили, что это неизбежный этап перед смертью. Пересмотреть фильм о своей жизни, принять со смирением как свои победы, так и поражения, и перейти в загробный мир. Она видела только одно лицо – лицо своего отца, и в ней поднялся безумный гнев.

Падение казалось вечностью, но длилось всего секунду. В трех метрах ниже, на выступе, рос большой куст. Брисеида врезалась в него со всего размаха. Менг Чу ждал ее, сидя на камне. Он помог ей выбраться из ветвей. Ее била дрожь.

– Я злюсь, – заикаясь, пролепетала она, ее ноги обмякли, как спагетти, и девушка упала в объятия мужчины.

Какое право имел отец поручать ей столь опасную миссию, не спросив ее мнения? Он мог бы с таким же успехом прервать процесс перехода в Цитадель, как приказали ему херувимы. Люсьен знал об опасностях такого путешествия, ведь он сам был узником Цитадели более одиннадцати лет. Он, конечно, был в курсе, что многие студенты не преуспели в обучении и не вернулись домой. И все же отец без колебаний отправил Брисеиду туда. Чтобы удовлетворить свое любопытство, он пошел на риск и пожертвовал своей дочерью. Люсьен не видел, как она росла, поскольку был заперт в психологической тюрьме. Осознавал ли он свою роль отца?

Менг Чу молча повел ее в долину. Он был полностью уверен в отшельнике: со временем секреты Брисеиды опадут, как осенние листья, чтобы дать возможность вырасти лучшим росточкам.

Они встретились с остальными незадолго до наступления ночи, на окраине деревни, появившейся на повороте дороги. Она граничила с большим каналом, где высились громады мачт над цветными черепичными домами.

– Как все прошло? – спросил Энндал, который встал, когда увидел, что они идут.

– Очень хорошо, – ответил Менг Чу.

Брисеида избегала взгляда рыцаря, решив не отвечать ему. После нескольких часов ходьбы она все еще не знала, что думать о своей встрече с отшельником. Но, конечно, Энндал не заслуживал оправданий, потому что трусливо бросил ее на растерзание Менг Чу.

– Мы решили дождаться вас, прежде чем идти дальше, Менг Чу, – продолжил Энндал.

– Вы все сделали правильно. Я обо всем позабочусь, деньги не будут проблемой. Главное – держаться вместе. Будет легче, когда мы найдем, во что переодеться, – ворчал он, стряхивая пыль со своего грязного белого наряда.

В маленьком порту кипела жизнь. Брисеида с удивлением заметила, что большинство прохожих одеты в белые туники, очень похожие на их собственные. Мужчины были заняты разгрузкой и погрузкой больших кораблей, пришвартованных вдоль берега, и не обращали на них никакого внимания.

– Зачем нам нужна другая одежда? – спросил Энндал у генерала. – Если не учитывать цвет нашей кожи, мы могли бы сойти за обычных путешественников.

– Но я не обычный путешественник, – ответил Менг Чу.

Он коснулся плеча человека, который организовывал погрузку в двухмачтовое судно, и протянул ему маленькую карточку из своей сумки.

– Пойди к своему начальнику и скажи, что мне нужно его судно. Завтра вечером я должен быть в столице.

Мужчина стоял перед Менг Чу, скрестив руки на небольшом животе:

– Кем ты себя возомнил, старик? Разве ты не видишь, что я занят? Я здесь главный. Что ты хочешь от начальника? Что это? – сказал он, держа под носом маленькую красную карточку Менг Чу.

– Моя визитная карточка, – ответил Менг Чу.

Мужчина прищурился, глядя на четыре символа, нарисованных черными чернилами вокруг штампа в центре карточки. Его глаза расширились, и он уставился на Менг Чу,

потеряв дар речи. Карта выскользнула из его руки, и он встал на четвереньки, чтобы подобрать ее.

– Да простит Ваше Превосходительство высокомерие бедного глупца, не узнавшего его в этом простом костюме...

– Я только что вернулся из долгого путешествия. Мне и моим спутникам нужно помыться и переодеться. Также найди нам что-нибудь поесть и пошли гонца во дворец, чтобы сообщить о моем прибытии с иностранными эмиссарами.

Брисеида икнула от удивления. Неужели Менг Чу сошел с ума? Послать гонца, чтобы предупредить об их прибытии! Почему бы не написать письмо прямо Элите! Она воздержалась от высказываний в присутствии капитана. Тот с любопытством посмотрел на гостей генерала, но воздержался от вопросов и отошел в сторону.

– Разумно ли объявлять о себе официально? – опередил ее Энндал, следуя за Менг Чу, который прошмыгнул между носильщиками к трапу корабля. – В прошлый раз обращение к властям не принесло нам ничего хорошего...

– В Греции сила была не на нашей стороне, – ответил Менг Чу. – Я служу императору уже тридцать четыре года. Мне не нужно подтверждение от старика, чтобы знать, что он не является частью Тайной Элиты.

– Но по крайней мере некоторые из Элиты находятся при дворе, поскольку плетут интриги. Ты сам так сказал, – заметила Лиз. – Не рискуем ли мы раскрыть себя перед врагом, отправляясь к императору?

– Возможно, но это неизбежно. Если мы останемся на горе Хуашань, наши поиски не продвигнутся. Мое возвращение в город не может остаться незамеченным, и не посетить императора в Чанъане в компании незнакомцев было бы грубой ошибкой протокола. Чем скорее я объясню ему ситуацию, тем скорее мы сможем защититься от возможных нападений Элиты.

– Как ты можешь быть уверен, что он не является частью Элиты? – спросил Леонель.

– Император Сюань-цзун правит Китаем железной рукой, – сухо сказал Менг Чу. – Благодаря ему в Поднебесной наступил величайший период мира за последние столетия. Искусство процветает, образование доступно для всех, а торговля никогда не была столь успешной. Если представители Элиты действительно действуют в Китае, то мы найдем их среди врагов Сыновой Неба.

– Что-то не так, Эней?

Брисеида проследила за взглядом Лиз: когда они вышли на палубу корабля, греческий солдат свернул в сторону доков. Он обеспокоенно смотрел на прохожих. Брисеида искала в толпе что-то необычное, что могло бы насторожить.

– Что с ними со всеми? – спросил Эней. – Они все желтокожие, как Менг Чу. Я думал, что Менг Чу нездоров, но не могут же они все быть больными... ведь так?

Генерал покосился на него.

– Когда первая супружеская пара создала человека из теста, они запекли фигурку в печи. В первый раз они слишком долго запекали ее. Она сторела и стала полностью черной. Во второй раз они вынули ее слишком быстро, она все еще была белой. В третий раз пара приготовила ее достаточно быстро, и фигурка получилась желтой, идеально золотистой. Так и родился мой народ.

– Корабль скоро будет готов, генерал, – сказал капитан корабля, затаив дыхание, стоя перед Менгом, пока ошеломленный Эней спрашивал Лиз, у всех ли в ее время рыжие волосы.

– А пока позвольте проводить вас в вашу каюту? Я приготовил для вас свою комнату. Прошу прощения за отсутствие комфорта, я всего лишь скромный торговец.

Лиз и Брисеиде предложили прекрасную комнату в носовой части корабля. Большой таз с горячей водой уже ждал их на подставке в центре комнаты, освещенной подсвечником с тремя большими свечами, подвешенными к потолку. Лиз со вздохом облегчения села на одну из двух кроватей, установленных вдоль борта и застеленных цветными простынями.

– Менг Чу собирается бросить нас прямо в логово льва, – сказала Брисеида, как только они остались одни. – Он должен это понимать!

– Судя по реакции капитана этого корабля, я думаю, что Менг Чу прав, решив не скрывать своего прибытия, – ответила Лиз, проводя пальцами по одному из двух изысканных китайских шелковых платьев, разложенных для них на громоздких стульях. – Если кто-то в городе узнает его, то новости быстро разлетятся. По моему опыту, скажу: ничто так не раздувает слухи, как попытка знаменитости скрыться. Лучше всего сразу же раскрыться. Известность Менг Чу, безусловно, таит в себе опасность. Но со временем, если мы сможем вычислить Элиту, его положение в правительстве станет для нас бесценным. Что могла сделать небольшая группа чужаков в одиночку против империи? Вот почему старик выбрал его. Мы должны доверять ему.

Брисеида недоуменно кивнула. Рассуждения Лиз были логичными. Но тогда почему он выбрал Брисеиду, простую школьницу? Как она сможет помочь им, когда они придут в ее эпоху?

– По крайней мере его нужно убедить пока не рассказывать императору об Элите.

– Конечно, об этом даже не волнуйся. Но давай начнем с того, что приведем себя в презентабельный вид.

Душистая вода, стекающая по их лицам, рукам и ногам, была восхитительна. Сложнее обстояли дела с драпировкой предложенных платьев. Лиз помогала Брисеиде накладывать различные слои по порядку, комментируя каждый этап.

– Под низ надевается короткая туника, а сверху – длинная белая двубортная рубашка, чтобы тонко подчеркнуть яркие цвета туники за счет прозрачности. Широкий пояс крепко держится на месте, но необходимо затянуть его узлом спереди, чуть ниже груди, и не забыть про большую застежку.

– Откуда ты это все знаешь?

– Я сотню раз переодевалась в подобные платья во время съемок фильма «Красавицы Азии» в 3415 году. Отличный фильм. Награда Международный Золотой Цветок – это вам не шуточки. Вот так, как красиво, милая, посмотри!

Она покрутила Брисеиду, чтобы лучше оценить результат своей работы. Здесь не было зеркала, но мягкость тяжелой ткани, скользящей по коже при каждом движении, позволила Брисеиде почувствовать себя королевой. Она вытянула руки, спрятанные под длинными рукавами, которые свисали до колен. Такая туника больше подходила для обучения полетам, а не для повседневной носки.

– Ты молодец, что противостояла Менг Чу в разговоре об Имэне, – сказала Лиз, продевая в волосы Брисеиды две золотистые палочки, чтобы закрепить пучок. – Энндал рассказал мне, пока мы шли. С твоей стороны это было смело и очень важно. Энею нужны все его силы, чтобы продолжать путь. Но Энндал прав: ты не знаешь, что произошло на самом деле, поэтому лучше думать о хорошем. Ведь так?

Брисеида устала на свои ноги и пожалала плечами.

– Может быть.

– Как ты пообщалась с отшельником?

– Мы говорили вообще не об Имэне. Он хотел, чтобы я призналась, кто вызывает мой гнев.

– И ты рассказала ему о своем отце?

Брисеида потеряла дар речи.

– Не делай такое лицо, – улыбнулась Лиз, – все вполне очевидно. И скажу сразу, у тебя есть полное право злиться на него. Он мог бы узнать твое мнение, прежде чем отправлять тебя в Цитадель. Гнев иногда бывает приятным, позволяй ему вырываться наружу как можно чаще. Пойдем, покажемся мужчинам на палубе.

Брисеида не ожидала такой реакции, когда они шли по кораблю мимо улыбающихся матросов. Неужели они никогда не видели роскошно одетых дам, поэтому останавливались и смотрели, как девушки проходят мимо? Возможно, им выдали настоящие царские наряды.

Менг Чу же неоднозначно посмотрел на них:

– Вы выглядите прекрасно, – наконец признал он, схватившись за один из рукавов большой белой блузы Брисеиды, чтобы получше рассмотреть ее.

Она с гордостью кивнула.

– Но в следующий раз попробуйте *сначала* надеть нижнюю рубашку, а сверху – платье с вышивкой. Так вы будете привлекать меньше внимания.

– Ты уверен? – спросила Лиз, обидевшись. – Я убеждена, что во время съемок одевалась именно так...

Капитан корабля устроил для них настоящий пир. Они обедали на палубе, расположившись на шелковых подушках.

– Мы направляемся в столицу, – сказал Леонель, принимая от матроса куриную котлету. – Что будем там делать?

– Мы поселимся у меня, надеюсь, что император согласится принять нас быстро, – ответил генерал. – Наш приезд неожиданный, а у него нет привычки нарушать протокол.

– Даже когда против него готовится заговор?

– Каждый день при дворе возникают заговоры. Если бы император каждый раз терял самообладание, он не смог бы удержаться на троне долго.

Плетеный кожаный пояс опоясывал свободную льняную тунику, выданную генералу. Большая шпага, изысканные кожаные сапоги и ярко-красный плащ с широкими эполетами подчеркивали его природную осанку и делали его похожим на принца. Он поднял чашу с рисовой водкой и выпил за здоровье капитана, который сидел чуть поодаль. Последний, внимательно следивший за каждым его движением, отдал ему честь, с облегчением заметив, что Менг Чу доволен.

– Если заговоры строятся каждый день, почему ты думаешь, что на этот раз над императором висит реальная угроза? – спросил Энндал.

– С каждым годом власть Ань Лушаня растет, поскольку благодаря некоторым приближенным ко двору представители его клана назначаются губернаторами соседних провинций. Другие придворные заворожены возвышением Ань Лушаня и хотят добиться его милости. А те, кому он не нравится, слишком боятся заявить об этом публично. Ань Лушань приобрел при дворе такой авторитет, что уже даже не скрывает своих непристойных амбиций в стремлении обрести власть. Его не устроит контроль над торговлей на Шелковом пути. А придворные слишком увязли в собственных интересах, чтобы давать советы

императору. Мне повезло, что большую часть времени я провожу на полях сражений, на свежем воздухе, вдали от дворцовых интриг. Император, в своей великой мудрости, признает ценность моих предложений. Перед тем как проснуться в доме старика, я убедил его позволить моему старшему сыну, Девэю, защищать Шелковый путь вместо Ань Лушаня. Генерал и его войска будут более полезны под моим командованием на северо-востоке, где очень злобный народ регулярно угрожает границе.

– Лучше всего следить за Ань Лушанем.

– Император удовлетворил мою просьбу при одном условии: мой сын должен сначала доказать свою приверженность мне. Поэтому я проводил Девэя до северо-восточной границы, где он принял командование над моими войсками. В последнее утро, о котором помню, я сидел на скале и смотрел на узкую долину, где мой сын должен был атаковать армию северного народа. Я видел, как он скачет вперед с тремя тысячами человек за спиной... а потом ничего. По словам старика, меня вырубили мои же сержанты. Я не знаю, что случилось с моим сыном или нашей армией. Но уверен, что среди моих командиров найдется несколько предателей. Лушань, должно быть, умудрился развратить их прямо у меня под носом. Вот что меня беспокоит. Мы можем предотвратить нападение изнутри стен Чаньяня. Но если предателю удастся коварно настроить народ против своего правителя, то империя может рухнуть.

Леонель нахмурился:

– Ты уверен, что за этим нападением стоит Ань Лушань?

– Старик заверил меня в этом. Кто еще заинтересован в том, чтобы мой сын потерпел поражение в борьбе с северным врагом? Хуже того: если Ань Лушань приказал своим сообщникам открыто напасть на меня, то это значит, что он гораздо ближе к восстанию, нежели я готов был признать. Цитадель считает, что император отжил свое, и хочет заменить его. Ань Лушань – часть Элиты, он будет служить им гораздо усерднее.

– Почему бы тогда Элите изначально не принять императора в Элиту? Так было бы проще.

– Цитадель никогда не смогла бы завербовать императора, потому что он – Сын Неба. Но он не провидец. Он должен быть во что бы то ни стало осведомлен о приближении Ань Лушаня. – Леонель не ответил. Но Брисеида догадывалась, что он думает так же, как и она: Цитадель без колебаний пригласила бы в ученики правителя империи, даже если бы он был Сыном Неба. Но, возможно, кандидаты должны были иметь определенные предрасположенности... Брисеида смутно припоминала, что слышала, как мальчишки из ее класса хвастались...

– И не лучше ли тебе отправиться на северную границу и узнать, что случилось с твоим сыном?

– Чтобы добраться до него, нужно проделать путь длиной более трех недель. Я сомневаюсь, что песочные часы позволят нам выкроить время для этого. И безопасность империи должна оставаться приоритетом. Если мой сын жив, он пришлет весточку... но не сейчас. Более того, я уточнил сегодняшнюю дату у капитана корабля: мы с сыном уже прибыли на северную границу, но нападение, о котором я вам только что рассказал, произойдет через семь дней.

– И мы никак не сможем предотвратить его?

– Если только кто-нибудь из вас умеет обмениваться мыслями.

– Подумать только, нам нужен всего лишь телефон... – пробормотала Лиз.

– А почтовый голубь? – предложила Брисеида.

– Почтовые голуби способны найти обратную дорогу, они не летают в неизвестные места, – заметил Энндал.

Эней откашлялся и робко выступил вперед:

– Не кажется ли вам, что боги послали нас именно сюда и именно сейчас, потому что теперь у нас есть преимущество вмешаться в дела императора до того, как новости с севера достигнут двора?

– Если старик знает, что он делает, то вполне вероятно, – согласился Менг Чу.

– Будем надеяться, что новости с севера будут не слишком плохими... – сказала Лиз с сожалением.

Генерал поблагодарил ее за проявленное беспокойство сдержанным кивком, но промолчал.

– Что бы мы ни сказали Императору, нам нельзя говорить об Элите, – заявила Брисеида, поскольку никто больше не хотел поднимать эту тему. – Мы можем обогнать армию Ань Лушаня на несколько недель, но если херувимы обнаружат нас, это преимущество окажется бесполезным. Херувимы начеку, они хотят уничтожить меня, чтобы убрать доказательства своей ошибки. Они умеют действовать незаметно, вызывать целую армию химер, останавливать время. Даже Сын Неба был бы бессилён против них!

Улыбка Менг Чу не понравилась Брисеиде.

– Не волнуйся, – ответил он, – я не намерен говорить с императором о херувимах.

– Он мне не верит, – пожаловалась Брисеида Энндалу на следующее утро, когда они плыли на запад и, прислонившись к перилам судна, наслаждались теплым рассветом. – Менг Чу не воспринимает угрозу химер всерьез. Но именно для борьбы с ними старик послал нас сюда.

Всю ночь она ворочалась в постели, думая о том, что ждет ее впереди. Она не могла смириться с мыслью, что они придут ко двору императора, не разработав эффективную стратегию защиты от херувимов. Она не хотела снова пройти через то, что ей пришлось пережить в Греции.

– Нельзя приходить к императору таким образом, Энндал. Поговори с ним. Он выслушает тебя.

– Я не был бы в этом так уверен.

– Если херувимы следят за дворцом императора...

– У херувимов не везде есть глаза. Вот почему Цитадель нуждается в Элите. Если мы не вызовем подозрений у Элиты, все будет в порядке. Менг Чу не глуп, он не станет напрямую обращаться к императору по поводу Элиты. И нам не грозит опасность превратиться в статуи, как в Греции, – добавил он, угадав ее мысли, – потому что теперь ты знаешь, как пользоваться песочными часами. Тебе остается только запустить время заново.

– Ты так говоришь, как будто у меня все под контролем, а это не так. Но в то же время, избегая разговора о херувимах, мы оказываем себе плохую услугу.

– Чем меньше мы упоминаем херувимов, тем меньше вероятность того, что нас могут

подслушать посторонние. А потом...

Рыцарь колебался, потирая свою пышную бороду крупными ладонями воина.

– Мой отец, Аюль д’Имбер, всегда говорил, что чем меньше говорят об оборотне, тем меньше он себя проявляет. Неизвестное следует оставить неизвестному, а...

– А из того, что известно, стоит извлечь максимум пользы. Да, я знаю, – вздохнула Брисеида. – Ты уже говорил мне подобное.

– Всеу свое время. Сначала узнаем, какова будет позиция императора, раз уж встреча неизбежна.

Брисеида угрюмо взирала на пейзаж. Они плыли вдоль небольшой горной гряды на юг, сопровождаемые десятками других лодок всех размеров. На китайских парусах были изображены арабески, похожие на большие веера, удерживаемые деревянными дощечками. На палубе двое мужчин выкрикивали приказы о выполнении сложных маневров. Им пришлось идти зигзагами против ветра и течения, чтобы достичь столицы до вечера: без освещения путешествовать ночью было слишком опасно. На носу судна Эней и Леонель наблюдали за действиями кораблей, соревнующихся друг с другом в узком канале.

– Ставлю три кучки земли против твоего меча, что после полудня зеленая лодка обгонит коричневую, – сказал Леонель. – Я делаю тебе одолжение. Меч ничего не стоит в мое время. Но земля – это золото, клянусь, я не вру.

– Ну и ну, – ответил ошеломленный Эней, – не хотел бы я жить в твое время... Скажи, Леонель, если на северо-востоке есть еще один Менг Чу, значит, их двое... А если что-то случится с тем, кто плывет с нами?

– Путешествуют только наши души, – сказал Леонель, пожимая плечами. – Тело не может выжить без души, поэтому, если Менг Чу умрет здесь, то и там тело Менг Чу тоже умрет, но только когда начнется его путешествие в Мир Снов, а это произойдет через семь дней...

– И наоборот, разум тоже не выживает без тела, и именно поэтому студенты, запертые в Цитадели, погибают в Мире Снов, когда их тела умирают от старости в реальном мире?

– Именно так... Святые угодники! Взгляни на эту! Четыре комка земли против твоего меча, пусть сегодня эта лодка прибудет первой!

– По рукам!

Эндал схватил Брисеиду за плечо.

– Не смотри так, Брисеида, все будет хорошо, вот увидишь. Нам остается только довериться Менг Чу. Он является проводником в этом времени. Дал ли тебе отшельник какой-нибудь полезный совет?

– Он сказал нужно писать, чтобы на сердце стало легче...

– Ты должна это сделать. Я уверен, что тебе станет легче рядом с... – он взглянул на Энея, – сама знаешь с кем. Тебе есть чем писать?

– Да, – пробормотала она, ее щеки порозовели, как будто он застал ее на месте преступления. – Да, я купила себе перо на площади.

– Так что вперед, действуй – и тебе станет легче.

Оставив Эндала в обществе Оанко, Брисеида села на высокий деревянный ящик. Хозяин корабля предложил ей немного чернил. Она закатала длинные рукава, достала испачканное перо и вырвала страницу из своего старого блокнота. Ей не хотелось писать об Имэне. Более насущная тема не давала ей покоя с самого утра.

Папа,

Она долго обдумывала содержание тех четырех писем, не решаясь написать еще. Девушка скомкала бумагу и вырвала еще один лист.

Люсьен,

Однако ее и это не вдохновило. Ей нечего было сказать ему, что можно было бы выразить в нескольких словах, нацарапанных на бумаге. Она должна была посмотреть ему в глаза, чтобы прочесть на его лице выражение тревоги или полного безразличия, когда она скажет ему правду. И какой смысл было писать ему, если письмоносец не удосужился забрать письма?

Брисеиде нужно было написать кому-то, кто бы ее выслушал, как это сделал Бенджи в Цитадели. Она представила, как высокий молодой человек сидит напротив нее, опираясь подбородком на костлявые руки, и с язвительной улыбкой ждет, пока она расскажет ему, что у нее на уме. Бенджи был убежден, что сможет раскрыть Великую Тайну Цитадели, прогуливаясь по ее коридорам. Он был уверен, что когда обнаружит ее, все секреты Цитадели получится легко объяснить. Поэтому каждую ночь он тайно бродил по коридорам школы. Парень хотел найти «нужный рубильник», тот, который осветит все темные углы, все тайны крепости сразу. Брисеида разделяла стремление раскрыть Великую Тайну. Но опыт общения с торговцами на Площади Времени, которые, несмотря на бесконечное количество времени, проведенного вместе, имели разное представление о правде, вселил в нее сомнения. Достаточно ли показать Цитадель миру, чтобы люди приняли ее существование? Последует ли реакция?

Она вздохнула и поднесла перо к бумаге.

Не все так просто, Бенджи. Чтобы решить проблему, недостаточно найти правильный рубильник. Возьмем, к примеру, Нила Кубу-младшего: его теория времени неплоха. Но какой смысл отстаивать ее, когда другие утверждают прямо противоположное? Зачем пересекать океаны и рисковать жизнью, чтобы узнать правду, если не получается добиться полного согласия? Почему бы просто не вернуться домой?

– Потому что Цитадель никогда мне этого не позволит, – вслух подумала Брисеида. Машинально она свернула бумагу и написала:

Бенджи Лоренц, в Цитадель

Ей нравилась мысль о том, что однажды Бенджи сможет ответить ей.

– Тебе нельзя оставаться здесь.

– Что?

Маленький мальчик, ростом до ее колен, стоял перед Брисеидой.

– Тебе нельзя оставаться здесь – генерал Менг Чу раздражен. Ты загораживаешь ему солнце, поэтому он недоволен. Он надерет тебе зад.

Мальчик указал на высокий ящик, на котором сидела Брисеида. Солнечные лучи просачивались сквозь доски.

– Генерал внутри? – спросил Брисеида, развеселившись.

– Я могу показать, если хочешь.

Брисеида спрыгнула на палубу, чтобы мальчик смог открыть ящик, и стала искать Менг Чу среди членов экипажа.

– Он точно там. Посмотри, он больше всех.

Брисеида подавила крик отвращения. Она только что больше часа просидела над коллекцией огромных насекомых, кишачих в ящиках. Чего тут только не было: волосатые, склизкие, ползучие, с шестью, восемью или тысячью лапок... Маленький мальчик сунул руку в банку и вытащил огромного коричневого сверчка, которого он подсунул под нос Брисеиде.

– Он всегда выигрывал поединки, поэтому его прозвали генералом Чу. Он непобедим, как и Чу Менг. Он – боевой сверчок моего отца. А когда я стану капитаном корабля, он будет моим сверчком. Хочешь посмотреть, как я его тренирую?

Не дожидаясь ответа Брисеиды, он достал из кармана что-то вроде кошачьих усов, положил сверчка на палубу, присел рядом и стал дразнить его длинными жесткими волосами. Сверчок ответил мощными ударами задних лап.

– Он очень известен? Настоящий генерал Менг Чу, я имею в виду.

Забыв на мгновение о своем сверчке, маленький мальчик уставился на Брисеиду. Неужели она смеялась над ним?

– Мы говорим о *Чу Менге*. Чу – его фамилия. Ты не знаешь генерала Чу Менга?

– А? Да-да, он мой друг, мы вместе путешествуем. Он действительно широко известен в Империи?

– Ты лгунья, – ответил мальчик, все еще с тревогой оглядываясь по сторонам. – Генерал Чу Менг не может быть твоим другом. Его не боится только император.

– Осторожно, Брисеида, ты наступишь на моего двойника.

Брисеида подпрыгнула от прикосновения руки Менг Чу к плечу, и ее нога едва смогла миновать миниатюрную фигурку Чу Менга. Лицо мальчика побелело. Менг Чу спокойно посмотрел на него, а затем, видя, что тот все еще ошеломлен, тихо вымолвил:

– Бу.

Испуганный ребенок быстро отступил назад, наткнулся на ящик с насекомыми, вскочил на ноги и, крича, побежал по мостику:

– ЧУ МЕНГ! ЧУ МЕНГ!

С тенью улыбки на губах Менг Чу поднял сверчка и вложил его в руки Брисеиды.

– Осторожно с генералом, он более хрупкий, чем кажется.

В конце дня матрос выкрикнул:

– Чанъань! Чанъань!

Все бросились к передней части корабля, чтобы увидеть, как появляется императорский город. Брисеида, стесненная своим слишком длинным платьем, пришла последней. Перед ними возвышалась огромная бежевая стена. Она бесконечно тянулась на север и на запад, где залитый солнцем фасад приобретал оранжевый оттенок. Одна за другой лодки сворачивали

паруса и причаливали к множеству уже пришвартованных лодок.

Как только спустили трап их судна, на борт поднялись трое мужчин в роскошных одеждах с ниспадающими рукавами. Они почтительно поклонились Менг Чу, и один из них заговорил:

– Генерал, мы очень радуемся вашему неожиданному присутствию. Его Величество Император Сюань-цзун очень рад вашему прибытию и примет вас завтра, после утренних дел. Сын Неба с нетерпением ждет встречи с иностранными принцессами. Мы взяли на себя смелость принести эти головные уборы, чтобы защитить принцесс от любопытных глаз.

Менг Чу поднял бровь, но взял предметы, которые ему подал мужчина, и поклонился.

– Принцессы? – спросила Брисеида, следуя за Менг Чу и остальными в главную каюту корабля.

– Моим соратникам трудно представить, что женщина может выехать за пределы своей страны в сопровождении генерала, не будучи членом королевской семьи. В конце концов, почему бы и нет? Возможно, это нам на руку.

Головной убор Брисеиды напоминал искусно украшенный абажур. Длинные красно-зеленые вуали и нити жемчуга скрывали ее лицо и плечи, звеня при малейшем движении.

– Как удобно, – сказала она, глядя сквозь непрозрачную ткань на свои руки, которые скрылись под тремя слоями рукавов, – видимо, меня недостаточно укутали.

В довершение всего Лиз затянула потуже платья, тем самым вынуждая делать маленькие шажки, что соответствовало статусу принцесс. Менг Чу одобрительно кивнул. Леонель подал руку, чтобы помочь принцессам спуститься по трапу. Брисеида отметила его вынужденную галантность, слишком язвительную на ее вкус. На нем была только коричневая туника длиной до колен и мягкие брюки.

– Ты у меня еще получишь, – пробормотала она, спотыкаясь о деревянные доски.

Толпа на берегу была немногочисленной. Трое магистратов, отвечавших за обеспечение свободного прохода для генерала и его гостей, не преминули осыпать прохожих оскорблениями, но их суета была излишней. При виде генерала, уверенно шагающего с высоко поднятой головой и развевающимся на ветру плащом, мужчины поспешно отступили в сторону с выражением уважения и страха.

Почти не видя дороги из-за головного убора, Брисеида сосредоточилась на красном сиянии плаща Менг Чу, который шел впереди, и старалась не заблудиться. Однако получалось плохо.

– Простите меня, – извинилась она, толкнув мужчину, которого не заметила.

Брисеида замерла на месте, решив, что через ткань рукавов чувствует в руках мужчины наполовину извлеченный меч. Она подняла глаза и встретила его взгляд по другую сторону занавеса из шелка и жемчуга.

– МЕНГ! – выкрикнула она, опоздав на долю секунды.

Властным жестом мужчина отшвырнул ее в толпу, взмахнул оружием и бросился на генерала. На землю рухнуло тело. Раздались крики. Паника охватила моряков, что привело к давке.

– МЕНГ! – снова закричала Брисеида, ее сердце бешено колотилось, она запуталась в своем платье, ее толкали локтями запаниковавшие мужчины. Она попыталась снять головной убор, но смогла лишь поднять вуаль с глаз, как раз вовремя, чтобы увидеть сверкающий над толпой клинок, покрасневший от крови.

– УБИРАЙТЕСЬ! ВОН! – проревел сильный голос. Брисеиду схватили за руку и потянули

назад.

– Ты в порядке? – крикнул Оанко, помогая ей восстановить равновесие.

– Менг Чу убит! – задыхаясь, завопила девушка.

Почувствовав руку на своем плече, она обернулась. Менг стоял там, живой и невредимый, с окровавленным мечом в руке.

– БЫЛИ ЕЩЕ ДРУГИЕ? – крикнул он, наклоняясь к ее лицу. – ЭННДАЛ, УБЕРИ СВОЙ МЕЧ!

В два шага Менг Чу оказался рядом с рыцарем. Он вложил меч Энндала обратно в ножны.

– Ты здесь чужой! Никогда не вынимай оружие!

Наконец благодаря перемещению толпы Брисеида увидела, что мужчина, которого она толкнула, лежит на земле, его лицо искажено болью.

– Ваше Превосходительство! – крикнул один из магистратов. – Скорее бегите и отведите принцесс в безопасное место!

Брисеида почувствовала, как ее отталкивают назад, и вуаль упала перед лицом. Могут ли в толпе быть другие убийцы? Зная, что она так уязвима, слепа под головным убором... Не в состоянии защитить себя от возможных убийц, укрывшихся, вероятно, неподалеку, среди сотен моряков, собравшихся на набережной... Менг Чу велел им поторопиться. Она позволила Энндалу вести себя, схватив ее за локоть.

Две кареты ждали их у городских ворот. Энндал и Эней помогли принцессам подняться по ступенькам одной из них, а Менг Чу сел на красивого пятнистого коня. Кучеры взмахнули кнутами, и лошади помчались вдоль стены.

– Кто это был? – спросила Брисеида, тяжело дыша.

– Очевидно, незнакомец, – ответил Энндал, насторожившись. – Больше я ничего не заметил. Лиз?

Актриса кивнула.

Брисеида высунулась из окна и подняла вуаль. Они двигались по прямой аллее, более широкой, чем Елисейские Поля, выложенной высокими глинобитными стенами, которые пересекали весь город. На горизонте виднелись кровли огромного дворца. Среди китайцев, идущих пешком и скачущих верхом, она заметила голубоглазого турецкого торговца, который вел трех верблюдов, нагруженных разноцветными тканями. На обочине дороги, сидя на перилах арочного моста в тени вишневого дерева, обезьяна кричала на прохожих, входящих в один из закутков. Чуть дальше стражники в темно-синей форме пытались успокоить владельца магазина, чью тележку опрокинул непокорный осел.

Менг Чу жил на большом проспекте, тянувшемся с востока на запад. Вход в его владения, отмеченный множеством разноцветных знамен, развевающихся на ветру, находился прямо на бульваре. Кареты въезжали во внутренний двор между тремя прямоугольными двухэтажными павильонами с крышами из глазурованной черепицы, обрамленными внушительными расписными деревянными колоннами.

– Кто это был? – спросил Энндал у Менг Чу, высунувшись через окно еще до того, как кареты остановились.

– Перс, я думаю. На нем был кулон с символом. У него был как минимум один сообщник, я ранил его в руку, прежде чем тому удалось скрыться. Я давно не видел свою семью и не хочу поднимать панику. Мы поговорим об этом инциденте позже, – сказал он, слезая с лошади.

Слуги в бежевых рубашках подбежали поприветствовать их. Красивый молодой человек в зеленой льняной тунике с двубортным воротником и завязанной на затылке черной фетровой шапочкой, улыбаясь, вышел навстречу Менг Чу. Он поклонился в знак приветствия, и генерал положил руку ему на плечо.

– Это мой младший сын, Фу Цзи, – провозгласил он, ведя его к повозкам. – Фу Цзи, это принцесса Лиз и принцесса Брисеида.

– Держись достойно и делай маленькие шаги, – сказала Лиз Брисеиде, когда Эней открыл дверцу их кареты. – И скрой свое лицо!

Лиз потянула вниз ткань головного убора Брисеиды, а сын Менг Чу протянул руку, чтобы помочь ей спуститься.

– Принцесса При Цэ Ис, для меня большая честь принимать вас в нашей скромной обите...

Брисеида пропустила руку, которой не смогла увидеть, ноги запутались в платье, девушка замахала руками и закричала, упав в объятия Фу Цзи.

– Принцесса При Цэ! Как вы?

– Все в порядке, в порядке, – заикаясь, произнесла она, чувствуя, как за спиной неодобрительно пляшут жемчужины Лиз.

– Мама приготовила богатый ужин, мы ждали вас, – сказал Фу Цзи, немного смутившись.

– Мы рады, что нас так радушно приняли, – торжественно произнесла Лиз, грациозно спустившись с кареты.

С улицы доносилось унылое, ровное биение барабана. Фу Цзи подал знак слугам затворить две большие двери на крыльце.

– Комендантский час, – проговорил он сквозь грохот барабанов. – Вы пришли как раз вовремя!

4. Чума

Фу Цзи провел их через два внутренних двора, окруженных деревянными павильонами. Через большие окна, огражденные дорогими деревянными решетками, виднелись богато обставленные комнаты. Затем они прошли по коридору с красивой зеленой черепичной крышей, все еще залитой солнечным светом.

Их ждали в большой комнате возле длинного, низкого, массивного деревянного стола. Генерал по очереди назвал членов своей семьи, которые встали, чтобы торжественно поприветствовать их. Брисеида не ожидала увидеть так много людей: около пятнадцати взрослых, двух стариков, нескольких подростков, маленькую девочку пяти-шести лет и младенца. Она кивала на каждое представление, все больше смущаясь, не в силах запомнить сложные имена, не говоря уже о том, чтобы сопоставить их с лицами, находящимися так близко друг от друга. Затем Менг Чу пригласил их сесть. Сразу же атмосфера разрядилась, и все разговорились.

– Мы не ожидали, что вы прибудете до весны, что случилось? – спросила утонченная женщина, которая, как догадалась Брисеида, была женой Менг Чу. – Надеюсь, ничего серьезного?

– Нет, Мин Юэ, лишь небольшая неприятность, вот и все. А мой второй командир – способный человек, уверен, сделает все грамотно, чтобы помочь Девэю в мое отсутствие. Теперь вы можете снять головной убор, принцесса, – добавил он, повернувшись к Брисеиде.

Брисеида опустила вуаль, которую она незаметно приподняла, будучи словно застигнутой врасплох.

Но Лиз уже сняла убор, и девушка последовала ее примеру.

– Почему вы так хорошо говорите по-китайски? – спросила Леонеля молодая беременная женщина, предлагая ему сесть рядом с ней.

– О... эм... эм... Мы долго путешествовали по Империи...

– Здесь очень красиво, – восхищалась Лиз, любуясь расписными колоннами стен павильона, затейливой резной мебелью и персидскими коврами. – Однажды я сказала императору королевства Лонг Мэ Традж, что китайские фонари излучают гораздо более мягкий свет, чем он мог бы себе представить. Он мне не поверил. При следующей встрече я покажу ему, где раки зимуют!

– Мой ребенок сдал все императорские экзамены, которые проводились среди молодых гениев, – с гордостью сказал Лян, широкоплечий мужчина лет тридцати, устраиваясь рядом с генералом.

– Мне казалось, я сказал тебе ничего не затевать, пока ребенку не исполнится десять?

– Но это же «золотое дитя»! Мы бы потратили время зря. Ученые единогласно утверждают: нас ждет большое будущее.

– Родители не могут нарадоваться на Шэнь – пояснил Фу Цзи сидящей рядом с ним Брисеидой. – Такой одаренный ребенок рождается не каждый день.

Брисеида посмотрела на очаровательную девочку, которая играла с рукой Энея.

– Нет, не «Энь-Нес», а «Эней», – терпеливо повторял он, пока она с любопытством щипала его белую кожу.

– Где волосы этого господина? – ответила девочка, указывая на Леонеля.

– Ло Шэнь! – поругала ее беременная женщина. – Нельзя так говорить!

– Менг Чу уже дедушка? Чу Менг, я имею в виду. – Брисеида увидела генерала с другой, практически трогательной стороны.

– Конечно, – засмеялся Фу Цзи. – Пока только дважды, но скоро будет пополнение.

– И... Это все дети Менга?

– Нет! – Фу Цзи усмехнулся. – У Менга только два сына и дочь. Но двум его братьям и сестре жены не повезло в жизни, поэтому он забрал их семьи в свой дом.

Фу Цзи считал необходимым рассказать ей больше подробностей, незаметно указывая на людей за столом. В голове Брисеиды образовался густой туман, пока она слушала его объяснения.

– У дяди Бая не было детей, но у дяди Фу, который уже умер, была жена и две наложницы с детьми. Когда десять лет назад умер Цзай Шэнь, муж тети Бин Цин, сестры Мин Юэ, моей матери, она переехала жить к нам с двумя детьми, Ли Жун и Уши, который женился на Ся Хэ, с которой у него родилась И Цзе. Лян, муж моей сестры, всего лишь зять Менгу, но он также сын Бо, жены Сюэ, брата Бин Цин и Мин Юэ, который уже умер, но которого очень любил Хо, свекр Менга. Он благодарен ему за то, что разрешил ему жениться на своей дочери.

– Эм... Кто благодарен?

– Лян, конечно же.

– Ах, как мило, – сказала обескураженная Брисеида.

– Кроме того, что Фан Инь, мать моего отца, рассержена на Хо, отца моей матери, за договоренность о браке. Она говорит, что Лян был слишком близок к семье – в конце концов, он наш четвероюродный брат. Я думаю, она надеялась, что он женится на Линь Яо, бывшей жене И Фу – моего покойного дяди, потому что там была замешана влюбленность в Ляна, и тогда он должен будет избавиться от двух наложниц, На и Тянь Хо, и их четырех детей. Моя бабушка их не очень любит.

– Твой покойный дядя был влюблен в мужа твоей сестры?

– Нет, конечно, его жена.

У Брисеиды начала болеть голова. Ее взгляд остановился на обескураженных лицах наложниц, сидящих по обе стороны от Энндала. Рыцарь брал рис и овощи руками, формируя шарики между пальцами. Наложница На дала ему две палочки для еды. Энндал напрягся, вежливая улыбка застыла на его губах. Леонель бросил в него фисташку, чтобы привлечь его внимание, и издали показал ему, как ими пользоваться.

– Как долго вы находитесь в Китае? – спросила беременная женщина, скрывая свое смущение.

Недалеко от Брисеиды Эней и Оанко взяли по палочке в каждую руку и не спешили съесть первую порцию риса.

Маленькая девочка разложила рис по небольшим кучкам, незаметно сунув несколько свертков в карманы.

– Это для кого? – спросил ее Эней, наблюдая, как она держит рис между пальцами.

– Это для Шу Фана, – прошептала она.

– Кто такой Шу Фан?

– Призрак из сушильной комнаты. Он всегда голоден, но не решается выйти на улицу, потому что боится дедушки Менга. Но я часто заглядываю туда.

– Почему? А ты тоже боишься Менг Чу?

– Ты способна видеть призраков? – спросил Оанко.

– Только когда он не боится. Иногда я просто вижу его палочки для еды.

Фу Цзи продолжал говорить, но Брисеида уже не слушала. Ее сердце учащенно билось, и она ждала, что еще скажет девочка.

– Ты уверена в том, что говоришь? – спросил Оанко.

– Да.

– И ты можешь нас с ним познакомить?

Она на мгновение замешкалась, затем тихо ответила:

– Не с дедушкой Менгом. Шу Фан полностью исчезает, когда он рядом. Дедушка Менг не любит призраков. Но призраки иногда бывают милыми.

– Ло Шэнь! Сколько раз я говорила тебе не болтать о привидениях, тем более за обеденным столом! – рассердилась беременная женщина.

– Нет, продолжай, очень интересно, – вмешался Эней. – Скажи нам, Ло Шэнь, какая форма у этого призрака? Это мужчина? Есть ли у него крылья на спине?

– А зачем ему крылья на спине?

– Знаешь, как у херувимов... Химер, с крыльями...

Ло Шэнь поспешно опустила взгляд. Затем Брисеида заметила, что все за столом замолчали. Младшие склонили головы, остальные выглядели смущенными. Генерал Чу сурово посмотрел на свою внучку, его кулаки сжались на столе.

– Нам с гостями нужно поговорить, – грозно заявил он.

Сразу же члены семьи Менг встали и, не говоря ни слова, вышли из комнаты. Зал и его большой стол вдруг показались ужасно пустыми.

– Ло Шэнь – девочка с богатым воображением, – сказал генерал тихим, но суровым голосом, который эхом отозвался в тишине. – Я понимаю, что вы хотите поговорить о нашем путешествии, но я бы попросил вас не вмешивать в это мою семью. Популярные убеждения уже достаточно отравляют разум моей внучки. Если высокопоставленные лица, которых я приведу домой, тоже начнут нести чушь, то Ло Шэнь, в конце концов, действительно решит, что призраки существуют.

– Возможно, в этом нет ничего плохого, – с горечью ответила Брисеида.

Конечно, она чувствовала, как Менг не желает признавать существование химер. Но чтобы он списал их со счетов, после всего, что они пережили вместе...

– Напротив, это будет самым худшим вариантом!

– И почему?

В глазах Менг Чу блеснул холодный гнев, соответствующий репутации генерала по всей Поднебесной.

– Несколько лет назад я воевал на границе с одним из северных народов, которые всегда охотно предъявляли права на земли. Моя армия отбросила их назад, но часть их войск взяли в оцепление у высоких гор. Они могли сбежать, там был путь на север через глубокое ущелье. Но говорили, что там живет злой дух, который наводит ужас на весь регион. Их воины не хотели рисковать. Они предпочли быть убитыми моими солдатами. Суеверия – это настоящая чума. Она заводит в тупик самых здравомыслящих людей и обрекает целые империи на упадок. Я не позволю этому переступить порог моего дома.

– Но я...

– Не думай, что ты единственная задаешь вопросы, Брисеида. Есть сон, где мы были совсем недавно, и есть реальность, откуда мы пришли. Я родился здесь. Вот что настоящее. Я не могу объяснить все, но могу заверить вас в одном: реальность не населена химерами. Не

кажется ли тебе, что за тысячи лет мы бы заметили их?

– А как ты думаешь, откуда берутся эти суеверия?

– От тех, кто их придумывает и подпитывает. Точно от Элиты. От человеческой глупости, которая вполне реальна.

– Таково было мнение негодяя на Площади Времени. А как же письмо от моего отца? А как насчет того, что я пережила в Греции? Ты думаешь, я все это выдумала? Что я стала бы придумывать что-то настолько извращенное, как смерть Лиры и...

Эней поднял голову, и Брисеида тут же пожалела о своих словах.

– То есть... Гарпии пытались убить меня, а теперь херувимы охотятся за мной. Мы должны изучить химер, чтобы однажды мы могли отправить их обратно в Мир Снов. Мы не должны упустить ни одной подсказки!

– Глупости. Цитадель пыталась поразить тебя одной из своих иллюзий, а ты повелась, как твой отец до тебя. Я не позволю, чтобы моя внучка страдала от последствий подобных рассказов.

Брисеида не нашла в себе сил возразить. Эней пристально смотрел на нее, заставляя ее чувствовать себя ужасно неловко. К счастью, Энндал пришел ей на помощь:

– Менг, мы только прибыли, а на нас уже напали. Возможно, придется изменить наш подход...

– Весь Чанъань был оповещен о моем прибытии. Тому человеку не нужен был херувим, чтобы найти меня! На нас напал человек, а не химера. Вот значок, который он носил на шее.

Брисеида заметила треугольник, над которым находятся две параллельные линии, выгравированные на камне цвета шалфея.

– Это символ персидского братства, – продолжил Менг. – Ань Лушань частично персидского происхождения. Его люди, разместившиеся в Чанъани, должно быть, получили приказ убить меня, если я сбегу от предателей на севере, чтобы помешать мне предупредить императора о грядущем перевороте. Поэтому необходимо срочно отправиться на встречу с императором.

Энндал опустил голову, исчерпав все аргументы. Леонель согласился с генералом. Лиз увидела тревогу в глазах Брисеиды. Она прочистила горло:

– Почему бы не начать с развеивания опасных мифов, как предложил тот человек на Площади Времени? Если Элита не использует химер, изучение местных сплетен не должно вызвать подозрений у сообщников Ань Лушаня. Но если именно они распространяют эти легенды, то знание их историй поможет нам понять их стратегию. Разве это не лучший способ подготовиться к нападению на врага?

– Конечно, – сказал Энндал, – но если Элита распространяет суеверия, я думаю, они будут уделять особое внимание тем, кто слишком пристально к ним прислушивается. Если новости о наших поисках станут известны, нас раскроют.

– Люди на улицах Чанъаня расскажут вам все с точностью до наоборот, и тогда вы окажетесь на исходной точке, как на Площади Времени, – вмешался Менг. – Большинство суеверий являются вариациями древних историй, описанных в китайской литературе. Классические тексты полны мифологических существ. Если хотите, разберите их, пока я буду разрабатывать план обороны с императором. Я попрошу у Сына Неба разрешения предоставить вам читателей.

Он повернулся к рыцарю, который весь напрягся.

– Что-то не так, Энндал? Говори, твое мнение важно для меня.

– Твое предложение интересно... До тех пор, пока мы остаемся в тени. Если ты обратишься за разрешением к Императору, Элита тут же узнает об этом. С таким же успехом можно приставить меч к нашему горлу.

Генерал встал перед Энндалом.

– Я скорее перережу себе горло, чем скрою наши действия от Сына Неба.

Энндал долго смотрел на него.

– Зачем ты спрашиваешь мое мнение, если оно тебя не волнует?

Менг прищурился, но не ответил. Оанко разжег свою трубку от огня большой бронзовой чаши, служившей печью в углу комнаты. Задумавшись, он выпустил белые струи, которые заплясали над столом, словно тени существ, готовые к нападению.

Брисеида больше не могла выносить взгляд Энея. Она сказала, что устала. Менг позвал свою спутницу, и та отвела ее и Лиз к женским постройкам в задней части участка.

Прошел час.

Брисеиде не хотелось спать. Она смотрела, как развеваются на легком ветру балдахины их кровати, освещенной маленьким красным фонарем. Комок в животе не давал ей уснуть. Она встала и придвинула фонарь ближе к окну без стекла, защищенному от ветра деревянным кружевом. Девушка нашла немного чернил в маленькой коробочке на журнальном столике, рядом с круглым зеркалом из отполированной бронзы. Она достала перо и блокнот.

– Говорят, чтобы пережить случившееся, нужно все описать, – пробормотала она, подбадривая себя.

Хранить тайну смерти Имэны было достаточно сложно. Но солгать Энею, если он задаст ей вопрос прямо, глядя ей в глаза... Она больше не чувствовала уверенности, что способна это выдержать.

Говорить или не говорить, но все равно ничего не поделаешь: он что-то заподозрил. Ей предстояло сделать выбор: предать его доверие или доверие его жены.

Брисеида не испытывала гордости. Она только что добавила еще одну строчку в список несбывшихся обещаний: отец разочаровал ее, Цитадель обманула, и даже Бенджи обещал ей великие открытия, которых она так и не совершила. Стражник поймал ее во время прогулки по запретным коридорам Цитадели. Человек в белой мантии привел ее в кабинет Мастера-распорядителя, чтобы она получила нагоняй. После этого все и произошло, она покинула Цитадель и больше никогда не видела своего друга...

Она скучала по Бенджи. Он был невыносим со своими великими теориями, но он успокаивал ее. Девушка обмакнула перо в чернильницу, снова представив, как юноша терпеливо слушает.

Следует ли говорить правду?

Брисеида на мгновение задумалась, подыскивая самый подходящий способ выразить свои мысли.

Ее взгляд вновь вернулся к листу.

Сердце екнуло: под предложением появились чернила. Пятно удлинялось, складывалось в линию, букву, потом две, потом три...

Всегда.

Волосы на ее руках встали дыбом. Странное ощущение покалывания охватило ее шею. Она села, оглядываясь по сторонам в поисках объяснения. Ее глазам, ослепленным светом фонаря, потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к темной комнате. Кровать с балдахинном, на которой крепко спала Лиз, исчезла. Стены стали гладкими. На старых камнях теперь было много рисунков. Лица людей и зверей, покрытые шерстью, перьями, чешуей; оскаленные клювы и клыки, яростные взгляды, направленные на нее. Брисеида замерла. Портреты химер. Холодный пот струился по ее спине. Нашли ли ее херувимы? Неужели они перенесли ее обратно в Цитадель против ее воли? Мерцающий свет играл на нарисованных существах в действии, превращая их будто в живых. Брисеида нащупала фонарь на столе позади себя. В любой момент химеры могли выпрыгнуть из своих картин и наброситься на нее, как и в прошлый раз...

Маленький столик для кофе исчез. На его месте появился другой, более высокий. Брисеида оторвала взгляд от картин с химерами. На новом столе была поставлена большая свеча. Она осветила нос с горбинкой и лохматые волосы стройного парня, сосредоточенного на своей работе, в его руке было белое перо.

– Бенджи! – воскликнула Брисеида.

Бенджи поднял голову в нетерпении. Его взгляд прошел сквозь Брисеиду, так и не заметив ее, и остановился на портретах химер. Те по-прежнему не двигались.

– Бенджи, химеры могут выходить из картин, – сказала Брисеида, ее горло сдавило.

Бенджи не отреагировал. Она подняла руку, чтобы перехватить его взгляд, и икнула, обнаружив, что тоже не видит себя. Она стала совершенно невидимой. И ее перо исчезло. Однако девушка не помнила, как отложила его.

– Это сон, – подумала она. – Еще один из этих проклятых снов...

Бенджи продолжил писать. Химеры спокойно стояли в своих выразительных неподвижных позах, запертые в двухмерных полотнах. Брисеида просканировала каждую картину. Ни на одной из них не было изображения херувимов. Вдохнув поглубже для храбрости, она снова отвернулась от химер и наклонилась к плечу Бенджи, чтобы прочитать, что он пишет.

Всегда.

Правда – это самое ценное, что у нас есть. Существует только одна великая логика, управляющая миром, и если некоторые не хотят признавать этого, то только потому, что видят лишь отдельные части великой головоломки. В Цитадели есть карта головоломки. Она называет ее своей Великой Тайной. В тот день, когда я найду эту Великую Тайну, я узнаю истину.

На столе лежало еще одно письмо. Брисеида узнала небольшой текст, который она написала на корабле, думая о Бенджи. Как он сюда попал?

Бенджи ответил на него. Вдруг он наклонился и достал из сумки, лежащей у ножки его

кресла, маленькую золотую сферу. Он положил ее на стол и нажал на кнопку. Лепестки раскрылись, и появилась скульптура Нила Кубы-младшего. Бенджи посмотрел на нее мгновение, а затем взял перо.

Я обнаружил Теорию времени в комнате Химерических изобретений. Любопытно. Если существует только одна истина, то в каждой теории есть хотя бы часть истины, и ее стоит изучать. Но я не нашел биографии Нила Кубы-младшего. Кто он?

Втянув в грудь больше воздуха, Брисеида положила свою руку на ладонь Бенджи. Он застыл от прикосновения невидимых пальцев. Брисеида провела по его запястью, и Бенджи написал:

Я бы сам хотел знать.

Бенджи вытер лоб свободной рукой. Он обмакнул перо в чернила:

А ты? Кто ты?

Она уже собиралась ответить ему, но тихий голос защекотал ей уши.

– П-с-с-с, Брисеида!

Брисеида прогнала голос раздраженным жестом, но он скоро вернулся:

– Эй, Брисеида, сюда!

Брисеида с удивлением узнала голос Энея. Внезапно Бенджи, его стол и письмо исчезли. Она снова сидела у китайского окна в своей спальне. Маленький камешек попал в кружево ставни. Девушка посмотрела между двумя деревянными лотосами. Эней ждал, притаившись у куста. Мужчинам, не принадлежащим к семье, не разрешалось входить в эту часть дома в ночное время. Она тихонько открыла окно.

– Прости, я... я задремала, – прошептала она. Эней странно посмотрел на нее.

– Ты не спала – ты писала.

– Нет, я...

Брисеида пододвинула блокнот ближе к фонарю. Она записала весь свой сон.

Слова Бенджи, но также ее поступки и мысли. Она не могла в это поверить.

– Брисеида...

Тревожный голос Энея вернул ее к реальности. Ее сердце сжалось. Голубые глаза греческого солдата потеряли весь свой блеск.

– Она мертва, да? Моя жена. Гарпии унесли Имэну, пока мы были статуями. И мы ничего не заметили. Это то, что ты не скажешь Менгу. Она заставила тебя пообещать не говорить мне, не так ли? Это похоже на нее.

– Я не видела ее смерти, но...

Брисеида не знала, что говорить. Эней кивнул.

– Не волнуйся, ты не нарушила свое слово, потому что я догадался сам.

Он внезапно вышел из своего укрытия, уже не заботясь о том, что его могут заметить.

– Что ты собираешься делать? – спросила Брисеида, когда он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Я собираюсь поступить по справедливости. Я собираюсь довести дело до конца. Пусть эта история останется между нами, хорошо?

– Мы разоблачим химер, вот увидишь.

– Спасибо, – рассеянно сказал он.

Эней шел прямо, через несколько шагов развернулся и пошел в другом направлении. Брисеида проследила за поникшей фигурой молодого человека, пока он удалялся в ночи. Впервые после смерти Имэны она разрыдалась.

5. Сын Неба

Брисеида почти не спала. Она металась и ворочалась в своей постели, мешал продолговатый камень, положенный у изголовья кровати в качестве подпорки.

– Меня не злит, что я родилась в тридцать пятом веке, – ворчала Лиз на следующее утро, массируя голову. – Невозможно представить, как можно спать на таких штуках. Я не сомкнула глаз прошлой ночью!

Не только девушки провели бессонную ночь: уже сидя в главном павильоне, Эней молчал, под его глазами залегли темные круги.

Энндал, Оанко и Леонель тихо разговаривали.

– Менг не хочет, чтобы мы брали оружие на встречу с императором, – сказал девушкам Энндал. – Как только вы войдете во дворец, следите за выходами, наблюдайте за движениями охранников. Если заметите подозрительное поведение, будьте готовы бежать.

– Даже если нам удастся выбраться из дворца, мы не сможем преодолеть городские стены, – возразила Лиз.

– В любом случае, в этих платьях мы не пройдем и десяти шагов, – сказала Брисеида. – И наше оружие не поможет справиться с херувимами.

– Бояться нужно химер, – согласился Энндал. – Держи свою сумку при себе, Брисеида, чтобы в случае необходимости заново запустить время с помощью песочных часов.

В этот момент Менг вошел в комнату. Когда они внезапно замолчали, он стиснул челюсти.

– Император примет нас около полудня, – сказал он им. – У нас есть время подготовиться.

Брисеида думала, что уже готова, но она не учла трансформацию, которую беременная Цзя планировала совершить над принцессами. Она провела девушек в соседнюю комнату, усадила Брисеиду на низкий табурет и разложила перед ней множество косметических пудр и порошков. Она нанесла румяна на лицо, подкрасила губы, удлинила линию глаз и нарисовала над бровями две маленькие синие отметины, похожие на крошечные крылья бабочки. Затем она долго думала над прической, стянула каштановые локоны в высокий пучок, закрепленный вокруг металлического каркаса, и с точностью вставила в него нефритовые бусины. Выбор ткани для нового платья был настоящей церемонией. Подбор правильного цветового градиента для улучшения цвета лица, добавление кружева и золота. Закутанная в расшитый красный шелковый пояс, с руками, скрытыми под четырьмя слоями рукавов цвета граната и малины, с ногами, зажатыми в изящные туфли с загнутыми носками, Брисеида едва могла двигаться. Она посмотрела на себя в крошечное бронзовое зеркальце, которое протянула ей Цзя, и поразились тому, как по-царски выглядит.

– Неплохо-неплохо, – признал Леонель, прислонившись к дверной раме и наблюдая, как Лиз гордо вертится, заняв место на табурете перед Цзя. – Теперь осталось отыскать свою женскую суть.

– Что ты имеешь в виду? – ответила Брисеида.

– Я имею в виду, посмотри, как ты двигаешься.

Она бросила на него грозный взгляд и вышла во двор.

– Не пойми меня неправильно, – Леонель догнал ее, а Лиз рассмеялась себе под нос. – Просто ты не очень женственна по натуре... Хрупкая, если только... Ты... слишком

свободная? Возможно, современная, если женщины стали такими в твоё время...

– А ты похож на клоуна, – ответила Брисеида, изучая черную фетровую шапочку, которую ему дали, чтобы скрыть короткие волосы.

Леонель признал свое поражение, покачав головой, но по его глазам было видно, что он предпочел бы свою причёску той, что была у других мужчин, чьи достаточно длинные волосы были уложены в аккуратные пучки.

– Эней сегодня не очень хорошо себя чувствует, – заметил он более серьезным тоном. – Я видел, как он разговаривал с Энндалом, но он не сказал мне, о чем шла речь. Я знаю, что он приходил к тебе вчера вечером. Что у него на уме?

– Это не твоё дело, – ответила она, все еще защищаясь.

– Конечно, это моё дело, мы все в одной лодке. Он должен взять себя в руки, я не намерен умирать здесь. Мы не можем позволить себе испытывать эмоции на поле боя.

– Хорошо, что мы не на поле боя. Твоя забота не может не радовать. С ним все в порядке, не волнуйся. Извини, но у меня есть дела.

Чтобы скрыть смущение, она села на подоконник незастекленного окна в большом зале и достала из сумки перо, чернила капитана и блокнот. Она не собиралась терять ни минуты из-за этого растяпы.

Леонель явно решил, что не заслужил такого обращения, и ушел, не сказав ни слова.

Брисеида нервно вертела перо между пальцами, подыскивая слова, чтобы сделать запись в блокноте. Она по-прежнему отказывалась писать отцу, не желая раскрывать свои запутанные чувства на гладких, равнодушных страницах. Девушка перелистала страницы блокнота, пострадавшего от постоянного путешествия в её холщовой сумке, и перечитала несколько предложений из странного случая, произошедшего с ней накануне. Как она могла так точно описать свой сон, сама того не осознавая? Внезапно в голову пришла абсурдная мысль. Что, если она действительно разговаривала со своим другом?

Это было немыслимо, но, как и все остальное, что случилось с ней в последнее время... Она обмакнула перо в чернила, поднесла его к бумаге.

И тут же странное ощущение покалывания вернулось к её шее. Она едва успела написать Бенджи, как её зрение затуманилось.

Солнечный свет померк, воздух стал влажным и тяжелым, вес пучка на её голове исчез. А на своей коже она ощущала лишь легкую ткань рубашки. Вокруг поднимались стены, покрытые изображениями химер.

В одиночестве, сидя за простым столом, Бенджи писал при свете мерцающей свечи.

Брисеиде захотелось броситься ему на шею и закричать от радости. Но она боялась напугать его. Он быстро строчил и уже исписал половину страницы. Девушка наклонилась к его плечу.

Вот ты где! На этот раз не уходи, ничего не сказав. Можешь не говорить мне, кто ты, если не хочешь, я пойму.

Я много думал. Я считаю, мы могли бы объединиться. Тебе нужна информация, мне нужна информация. Нам лучше сотрудничать. Я нашел кое-что, чтобы доказать свою добросовестность. Это интервью с Нилом Кубой-младшим. Думаю, тебе будет интересно. Но оно записано на пленку.

Он выпрямился и оглядел мрачные картины. Брисеида прекрасно знала эту круглую

комнату: она видела, как по ней взад и вперед ходили проводники, разговаривали с пустотой, в руках держа колокольчики. Тогда она не понимала, что они делают. Теперь Брисеида знала, что они разговаривали с невидимыми химерами.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4iu>